Возвращение

Автор:
Виктор Мишин

Возвращение

Виктор Михайлович Мишин

Военная фантастика (АСТ)Солдат #3

Александр Иванов возвращается в Советский Союз после длительного пребывания в Соединенных Штатах. В Америке у него была, казалось бы, налажена красивая жизнь, но Саша вернулся. На фронте, в сорок третьем году, он обещал своему другу Петру Курочкину найти его после войны. Оказавшись в СССР сорок восьмого года, Александр всерьез раздумывает о том, чтобы остаться здесь навсегда. Но судьба вновь делает поворот.

Встреча с другом, тюрьма, война с бандитами и вновь побег в далекую Америку, но уже не в одиночку. А там вновь тюрьма, мафиозные разборки и стрельба. Сможет ли Солдат наконец-то найти покой и устроить свою жизнь, а заодно и жизнь своих близких?

Виктор Мишин

Возвращение

© Виктор Мишин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Ну, вот я и вновь в родной стране. Черт, вроде и не было меня здесь всего четыре года с небольшим, а чувство такое, как будто целая жизнь прошла.

Несколько дней назад, 19 мая 1948 года, я сошел с корабля в порту Владивостока. Да, я вернулся в Союз. Вроде и не больно хотел, но все же приехал. Причем вернулся я вполне официально, только как американец, а не русский. Надо сказать, за эти годы у меня даже лицо всерьез изменилось после некоторых событий, так что я не опасался быть узнанным хоть кем-нибудь. Да и мало меня, если честно, кто знал. Ребята из роты, точнее из моего отделения, еще могли бы узнать. Командир батальона Смолин, мой ротный Лешка Нечаев, ну, Петруха, конечно. Да только где они все, ведь вполне могли и погибнуть, хоть в том же сорок третьем под Курском, где я зрения было лишился. Хотя Петруха-то не погиб, должен в Рыбинске жить, у родителей. После его тяжелого ранения его, как и меня, списали как полностью негодного к строевой. Правда, он мог и в обоз пристроиться, но я хорошо его знаю, вряд ли бы он смог сидеть без дела на войне, не тот человек. Именно к Пете я и приехал по большому счету. Ведь я обещал ему, вот и постараюсь сдержать слово. Ну ладно, ладно, чуток слукавил. Покуролесил я немного в Штатах, надо было убраться на время, вот и совмещу приятное с полезным.

– Эй, сержант! – О, это меня. Никак капитан корабля чего-то хочет.

– Да, сэр? – обернулся я и внимательно посмотрел на капитана, да, это именно он меня зовет.

– Твои так и не вернулись еще? – Это он о парнях, что вчера укатили на очередной вызов с местными. Меня, как лучшего снайпера, да еще и неплохого оперативника, командировали в Союз для обмена опытом. Нет, специальной программы нет, меня никто не повезет в Москву в МУР. Да, предлагать будут разные места, но я сам попросил показать мне их, русские согласились. Основная идея, как это ни странно, принадлежала именно СССР. Кто-то из больших начальников заинтересовался работой американских полицейских. Интерес был именно в работе по террористам и прочим преступникам, когда возникала проблема с захватом заложников. В Союзе ведь как, тут «нет» террористов, «нет» воров в законе, никого нет, а преступления совершаются. Все дело в том, что в СССР не афишируют преступления. Во многом, думаю, это

правильно. Вспоминаю, какие программы и фильмы шли на телевидении в будущем… Особенно НТВ старалось, ни дна ему, ни покрышки. Что хотеть от молодежи, когда день и ночь крутят боевики, ужасы. То менты сплошь супермены, то бандиты – бред, но этот бред серьезно влияет на психику. А здесь, сейчас, с этим спокойней. Вот и понравилась руководству МВД СССР идея нейтрализации бандитов на месте, с помощью снайпера. Риск для оперативников ниже, а результат выше, что же плохого?

– Нет, пойду в управление порта, может, там кто-нибудь подскажет, как быть, – ответил я. Мне такое опоздание как раз здорово облегчало дело. Вчера, практически перед отъездом группы, я что-то съел, ага, пронесло так, что всю ночь боялся от гальюна отойти. Главное, даже не косил, всерьез прихватило. А теперь вот хочу воспользоваться тем, что команда где-то задержалась, и свалить. Ведь я просто задумал «потеряться» на бескрайних просторах Союза, ищи меня, сколько хочешь и кто хочешь. Вещей у меня с собой было немного, один чемодан, а в нем лежит сидор, в который я и переложу все содержимое. Денег немного есть, выдали еще в управлении, в Лос-Анджелесе при подготовке к отправке, да я еще сам у финансиста выменял примерно столько же, ему что, не жалко, тем более я ему небольшой презент сделал.

Придумал я хороший вариант. В нем главная роль отводится местным уркам, приметил тут одну группу недалече. Добрался быстро, хоть и время было еще не позднее. Патрулей нет, так, одного милиционера видел издалека, и всё. Бараки, в которых квартируют местные работники ножа и топора, стояли обособленно, что мне было в радость. Обычных жильцов расселили в прошлом году, это я у ментов узнал, ненавязчиво, во время обхода, поэтому кроме бандитов тут никого нет. Моя идея была простой как три копейки. Прийти, наехать, затеять драку и сжечь на хрен этот барак со своими вещами, надетыми на бандита похожей комплекции. Зашел я удачно. Шестеро урок пили горькую и орали так, что их, наверное, из жилых районов слышно. Меня заметили лишь тогда, когда урок осталось трое. Нож блестел в полумраке комнаты, как меч правосудия. Пистолет я нарочно не использовал, так достовернее. Из-за стола подняться смог только последний, причем, зараза, самый здоровый из всех бандитов.

– Ты чё, урод, сделал, попишу! – взревел он и выхватил финку. Пока он оббегал стол, я встал так, что передо мной оказался табурет. Подцепив его носком ботинка, я с силой швырнул его в противника. Тот довольно ловко ушел в сторону, да вот беда, я-то тоже не стоял на месте. Когда бандюга вновь встал в стойку, у него в брюхе уже побывал мой тесак.

– Умри с миром! – тихо произнес я и подтолкнул бандита. Тот упал тихо, просто осел на пол, не веря, что всё, он умирает.

Дальнейшее было делом простым. Содрав с себя одежду, не забыв документы и те вещи, что коллеги привыкли видеть у меня, я быстро стал раздевать одного из бандитов, что был больше всех похож на меня. Управился минут за тридцать, за это время я имитировал следы налета на эту банду их конкурентами. «Себя» я обмотал веревкой и посадил в угол. Найдя керосин, для ламп-то нужен, поэтому в наличии была канистра, литров на десять, и принялся все обливать.

Эх, хорошо горит старый деревянный домик, просто загляденье. Но надо валить, вон уже и пожарные с ментами едут. Я стоял в сторонке, рядом с еще одним таким же, подготовленным к сносу бараком.

По пути к выезду из города шел через порт, он тут огромный. Осторожно шмыгнув в один из открытых цехов, ну, или сараев, не знаю, что тут такое, стал оглядываться и прислушиваться. Осмотрев помещение, кивнул сам себе, надеюсь, найду здесь то, что мне требуется. Удача случилась только минут через десять, когда я уже отчаялся здесь найти хоть что-нибудь похожее на одежду. А искал я какой-нибудь ватник или куртку. Штаны, обувь и свитер у меня были с собой, купил в порту Лос-Анджелеса, там русское судно стояло, вот я и прикинулся олухом и купил у матросов нехитрую одежку, сказав им, что всю жизнь мечтал о советской одежде. Те повелись и продали, отдавали даром, но я всучил им несколько баксов, что в итоге их здорово порадовало, наверняка смогли купить какой-нибудь сувенир, а то ведь им ни фига валюты не дают, а на рубли в Штатах ничего не купишь, в банк же менять не побежишь. У бандитов не брал шмотки, стрёмные они какие-то были, да и свои же есть, так что зачем мне воровское? Ватник или куртку я искал по той причине, что было банально холодно. Свою амеровскую кожаную куртку я оставил на покойничке, что играл роль «убитого» меня, поэтому сейчас я и искал одежку. Нахлобучив здорово потрепанный ватник, не такой, кстати, как у нас в Сталинграде были, потоньше, застегнулся на все пуговицы. Жаль, что сапог нет, они бы тут больше подошли, чем ботинки, грязи тут…

Чуть не бегом покинул порт и двинул за город. Улочки позади были темны, вечер уже, довольно поздно, пробирался, можно сказать, на ощупь, да еще и города я не знаю. Так или иначе, но я, топая прямо по дороге, часам к двенадцати ночи набрел на деревеньку. Та стояла в стороне от дороги, я увидел тусклый отсвет в одном из окон, вот и разглядел ее в темноте. Проходя мимо домишек, я, можно

сказать, выбирал. Приглянулся почему-то последний дом по правую руку, вот и постучал в окно неприметного с виду домика. Наверное, поэтому он мне и глянулся, что был неприметным.

– Кого там принесло? – голос был женский, но какой-то грубый.

– Хозяйка, на постой до утра не возьмете? – спросил я. О, как же все-таки хорошо на родном языке говорить!

– Кто ты? – открыв уже дверь, на крыльце появилась вполне не старая женщина. В темноте видно плохо, но фигурка под длинной белой ночной рубахой выделяется хорошо. Женщина была стройна, может, даже чуточку худа, но даже, казалось бы, бесформенная рубаха только подчеркивала ее прелести. Я даже не сразу в лицо посмотрел, во как загляделся. Ну так это ж родное, русское!

– Да приезжий я, за городом задержался, с утра уже надо уезжать, а переночевать негде.

– А чего ж в город, в дом колхозника не пошел? Там наверняка есть места.

– Так говорю, не местный я, города-то не знаю. Да и понятия не имею, сколько до него идти, ночь на дворе, не видно ничего.

– Ладно, чего в дверях-то стоять, заходи. Только обувку сымай, у меня половики выбиты! – Мысленно усмехнувшись, я скинул ботинки и вошел вслед за хозяйкой дома. Темно, хоть глаз выколи, как они тут ходят без лампы?

– Тьфу ты, черт! – выругался я, сильно ударившись ногой обо что-то твердое.

– Аккуратнее давай, а то свернешь мне бидон с молоком, чего сдавать-то буду?

– Простите, пожалуйста, просто вижу в темноте плохо, – нисколько не соврав, сказал я. После восстановления зрения видеть я стал нормально. Не «единица», конечно, но и не совсем слепой, как в сорок третьем.

– Голову береги, – произнесла женщина ужасно вовремя. Уже забыл я, какие в наших русских хатах двери, чуть башкой не влетел в косяк.

– Спасибо, – коротко ответил я. Когда мы оказались в комнате, больше напоминающей чулан, мне указали на кровать.

– Можешь спать тут, отхожее место на дворе, найдешь, или показать?

– Лучше покажите, хозяйка, а то в темноте уйду куда-нибудь не туда. Я и за городом-то задержался именно из-за того, что ориентируюсь плохо.

– А ты вообще откуда, слышу говор чудной, а понять не могу? – усмехнулась хозяйка.

– Так с Куйбышева я. Здесь в командировке был, возвращаться нужно, а наши без меня уехали, надо завтра догонять.

– А чего же вы не на поезде? – удивленно спросила хозяйка.

– Да у начальства тут разные планы в окрестностях, вот и бродим за ними, как на поводке, – беззастенчиво врал я.

– Ладно. Есть хочешь? – смилостивилась хозяйка дома, а мне и правда захотелось вдруг есть.

– Не отказался бы, да вот неудобно как-то, деньгами за ужин возьмете? – неловко спросил я.

– Чего? У меня, чай, не ресторан здесь, какие еще деньги? – искренне удивилась женщина.

– Простите, хотел за хлопоты рассчитаться, лишних-то денег наверняка нет?

– Да у кого ж они есть, лишние-то? Сам-то, небось, не шибко богатый, вон ватник какой замызганный!

– Да это рабочий. Лазал по машинному, а сменить не успел, одежка у парней осталась, которые ушли.

– Тебя завтра в таком виде сразу в милицию сцапают, – продолжала улыбаться женщина.

– Что делать, объясню как-нибудь.

– Я тебе старую куртку мужа дам, она все-таки поприличнее твоей фуфайки.

– Да вы что, мало того что пустили переночевать, так еще и одеваете, и кормите! – искренне удивлялся я, будучи озадаченным. Да, забыл я уже, какими бывают русские люди, забыл.

– Так мне это ничего не стоит, почему бы и не помочь?

– А еда, а куртка? – поднял я брови.

– Муж сгинул в море в прошлом году, а еда… Говорю же, я не ресторан тебе предлагаю. Картошка есть отварная, молодой лучок только вылез, ну, хлеба дам – вот и вся еда, за что тут платить?

– Спасибо вам человеческое! – просто сказал я и кивнул. Развязав завязки на мешке, стал доставать свой нехитрый скарб. Специально не брал в Штатах ничего особенного, мало ли нарвусь на патруль. Так, сосиски консервированные, тушенка да пара банок фруктов, тоже в банках. Все это было доступно здесь, во Владивостоке, те же американцы и привозят. А что, власть она далеко, в Москве, здесь вообще как отдельная страна. Нет, чекисты, конечно, не дремлют, упоротые коммунисты и здесь, бывает, появляются, да только взятки никто не отменял, поэтому и встречаются здесь иностранные товары.

– Хозяйка, это вот, к картошке… – я пододвинул банки ближе к женщине.

– Это чего, оттуда? – махнула рукой куда-то за спину хозяйка дома.

– Да, с ребятами в порту махнулись не глядя, – улыбнулся я, – мы им папирос московских, они нам вот это.

– Продают на рынке иногда такое, – женщина указала пальцем на банку, – но дорого всегда, не каждый купит.

– Вот и берите, детишек побалуйте, – я хоть и в темноте заходил в дом, да видел обувку возле дверей, детская она.

– Спасибо тебе, не откажусь. Трое у меня, а батьки-то нет, тяжко… – вздохнула женщина. – Войну прошел, с самого начала их буксир в море ходил, конвои водил, японцев отгоняли, а вот в мирное время сгинул… – Слезинка покатилась по ее щеке, а я вспомнил ту войну. Да уж, бывает же.

Хозяйка зажгла лампу и, собрав нехитрый стол, села ужинать со мной, это я настоял. Вообще, несмотря на ее упоминание о детях, женщина была отнюдь не старой, максимум лет тридцать, я-то постарше буду. Просто в это время вообще люди выглядят как-то старше. Валентина, а хозяйка представилась именно так, мне понравилась. А самое плохое для меня было в том, что я ей, видимо, тоже. Почему плохо для меня? Так я ж уеду завтра, не хотелось оставлять о себе дурное мнение, да и зря надежду дарить человеку это также не по мне. Валентина, конечно, открыто ничего не говорила, но я видел, как она на меня смотрит. Черт, у нее явно мужика не было очень давно, а тут я, посреди ночи…

Все-таки или мне почудилось ночное поведение Валентины, или она просто не решилась на действие, но ночь прошла так, как и должна была. Я мирно продрых аж до девяти утра, а утром меня ждал хороший завтрак. Словно я всю ночь как раз трудился, а не спал.

– Куда ты сейчас? – Валя сидела напротив, как и ночью, и, подперев ладошкой щеку, грустно смотрела на меня.

– Мне нужно возвращаться, я на номерном работаю, могут и дело завести…

– Да-да, конечно, – одними глазами выразила эмоции женщина, – на поезд пойдешь?

– Схожу, но не знаю, будет ли что-то в ближайшее время. Скорее всего, придется на попутках добираться.

– Далеко тебе. Ты сам-то с Куйбышева, или туда только на работу приехал?

– Да я с Ярославля, слышала о таком городе?

– Конечно, это ведь недалеко от Москвы?

– Километров триста. Как на фронте ранили, списали из армии, так я, как был в госпитале в Куйбышеве, так там и остался. Чего, думаю, мотаться туда-сюда.

– Молодец. А где воевал? – Да, война еще долго будет в памяти людей.

– В Сталинграде.

– Вот же тебе выпало… – аж закрыла ладошкой рот женщина.

– Да ничего. Бывали и похуже места. Но, согласен, трудно было.

– Да уж, мужики. Хлебнули вы… – кивнула Валя, думая о чем-то своем.

– Валентина, да о чем ты? – воскликнул я эмоционально. – Как будто в тылу лучше было? Я с сорок третьего списанный, уж повидал, как в тылу живут. Да вам памятники надо ставить при жизни, за ваш труд и выдержку. Тянуть детей, работать на износ, вот кто уж натерпелся, так это вы, труженики тыла! Знаешь, чего навидался я в покинутых деревнях и селах? Врагу не пожелаешь, в этом и наша, мужиков, вина, что фрица так далеко пустили, – я нисколько не преувеличивал, действительно так считал. Очень, очень трудной была жизнь в тылу. Да, там, где было далеко от фронта, может, и полегче, но думаю, ненамного. Кушать-то везде одинаково хочется. А дети? Сколько их от голода умерло…

– Спасибо тебе, Саш. За такие слова спасибо, – горько произнесла женщина и вдруг, встав из-за стола, подошла ко мне. – Поцелуй меня, пожалуйста, – сказала она тихо, постояв несколько секунд возле меня, а у самой слезы в глазах стоят.

Что говорить, остался я у Валентины аж на неделю. Тогда, услышав такую просьбу, я вскочил со стула, едва не опрокинув стол, и сграбастал эту хрупкую женщину в объятья. Когда мы расцепились после долгого поцелуя, я лишь

спросил, где дети. Валя ответила, что ребятишки в школе и саду, придут к обеду. Детки были еще совсем малые, две девчонки, Катя восьми и Аленка пяти лет, и мальчик Сева, шести лет от роду. Как мы оказались в спальне, даже не понял. Одежда была сорвана в одно мгновение. Валя набросилась на меня так, что казалось, задушит в объятиях. Как женщина может тосковать по мужику, Валя показала наглядно. Сколько бы мы мяли друг друга в постели, неизвестно, выбрались только по приходе детей. Мне было крайне неудобно, нас хоть и не застали в кровати, мы просто услышали шум в сенях и встали, но все же чувствовал я себя не в своей тарелке. Девчонки, те как-то просто поздоровались и занялись каждая своим делом, а вот малец был с характером. На предложение матери познакомиться тот и бровью не повел. Молча зыркнул глазами и, развернувшись, утопал куда-то, несмотря на возгласы матери.

– Не знаю, что это с ним? – удивленно сказала Валя, когда мы вновь остались одни.

– Ревнует, наверное, он же мужик! – всерьез ответил я.

– Да, он батьку очень любил… А тот его.

– Не любил, а любит, поэтому и реакция такая.

– Да, я что-то и не думала, что в его возрасте можно думать о чем-то таком, – казалось, женщина была расстроена, но на самом деле она просто очень удивилась реакции сына.

– В войну дети взрослеют рано, – предположил я.

В тот первый день у Вали я вообще никуда не ходил. Та после обеда проводила детей на рыбалку, они ходили куда-то к морю, а мы вновь остались вдвоем.

– Валь, извини, а тебе самой не нужно на работу?

– Я кладовщицей в порту работаю, у меня смены. Сутки работаю, потом сутки отдыхаю. Я тебя вчера встретила грубо, прости, просто только со смены пришла, спать ложилась.

– Это ты меня извини, свалился тебе как снег на голову.

– А знаешь, как я рада такому снегу? – Валя вновь меня поцеловала, а когда получила от меня ответ, то даже задрожала вся. – Даже не знаю, что на меня нашло. Ты не думай, я не какая-нибудь… – Валя сделала серьезное лицо, – у меня кроме Николая, мужа, никого никогда не было. А тебя утром увидела, ночью-то злая была, словно бес вселился.

– Просто ты по мужу соскучилась, какой он у тебя был?

– Да обычный, – как-то уклончиво ответила женщина, – муж как муж. Взял меня за себя, когда мне только восемнадцать исполнилось, а через год я Катюху родила.

– Ты извини, что я тебе о нем напоминаю.

– Да ничего, я уж забывать стала. Ты меня, наверное, дрянью считаешь, я ведь не по мужу соскучилась, чего уж врать, а… – Валентина замерла на несколько секунд и, выдохнув, продолжила: – По мужику я соскучилась. Как разглядела тебя утром, так просто с ума сошла. Не знаю, первый раз такое со мной.

– Не разочаровалась? – улыбнулся я.

– Ты что? – улыбаясь и смущаясь одновременно, произнесла женщина.

Вот так и жил я у Валентины целую неделю. Козел, ведь не хотел бабу разочаровывать, но все же мне нужно было уходить, ведь я не для этого в Союз вернулся. Было тяжело, признаюсь честно, как-то запала в душу эта первая, после возвращения, встреченная мной женщина. Дождался дня, когда Валя уйдет на работу, да и ушел. Записку оставил, надеюсь, все поймет, не маленькая уже. Написал просто, что у нее же будут проблемы, если я не вернусь, сейчас под суд угодить, «как два пальца об асфальт». Оставил Валентине половину всех денег, у меня их много стало после налета на бандитов. Специально их нычки я не искал, так, собрал лишь, что по карманам лежало. На печке в кухне, возле самой трубы, чемодан стоял, в нем куча всяких документов, то ли «липовые», то ли настоящие, с убитых и обворованных граждан. Вот в этом чемодане деньги и лежали, вперемешку с документами. В ценах я пока еще плаваю, но денег на вид было много, мне хватит. Вот и оставил женщине часть,

дети у нее еще малые, пригодятся, если вдруг в ней пролетарская совесть не проснется.

От деревни шел через перелесок, так быстрее до трассы. Еще у Вали, я сбрил волосы под ноль, а еще и усы с бородкой. Они хорошо укрывали лицо, я их давно отрастил, даже документов в Штатах не осталось с чистым лицом, на всех я был с растительностью на лице. Сбрив всю эту поросль, я словно помолодел, наверное, даже Валя бы не сразу узнала меня теперь. Конечно, если меня раздеть и осмотреть, даже не пристально, то все мои «особые приметы» сразу выползут, но, надеюсь, этого не случится. А так да, шрамов у меня столько, что можно гордиться. Даже на роже, уже в Америке появился.

Это было в сорок шестом. Как я и предполагал, сенатор Калифорнии от меня не отставал. Я тогда его родственничка на тот свет отправил, за подставу, тот меня на фронт отправил. Вернувшись почти без руки, я отомстил, вот высокопоставленный родственник и начал пакостить. Хотел меня именно замучить, причем не в тюрьме. Постоянно строил разные козни, точнее, это устраивали разные люди, по его поручению. Убрав троих, наиболее приставучих, я решил тогда, что пора заканчивать и с самим начальником. После убийства тех молокососов я решил больше не рисковать, устраивая несчастные случаи, а просто валить недругов да прятать. Благо с местом для избавления от трупов проблем не возникло, океан-то на что? Так и чистил их семейку, был человек, да пропал. Я же сам еще и в розысках участие принимал, служа в полиции, куда вернулся после излечения. Руку мне тогда все же собрали, не как новая, конечно, но вполне могу даже стрелять с нее. В основном же я полностью перешел на левую. Восстановление было долгим, поэтому тренировался постоянно. Сначала приучал себя есть левой рукой, затем плавно перешел на письмо. Очень сложно было заставлять себя, ведь так-то я правша. Это стреляю я с любой руки легко и метко, а вот в бытовых делах… Ведь при каждом движении правая так и норовит по мышечной памяти сделать все, что делала раньше, приходилось ее даже привязывать, чтобы привыкнуть.

С возвращением в полицию Лос-Анджелеса помог тогда сержант Фоули. Сначала взяли вновь в отряд спецназа, но чуть позже я отучился восемь месяцев на специальных курсах и стал детективом. Честно говоря, мне это не нравилось. Вся эта бумажная волокита не по мне. Поэтому попросился обратно в снайперы. К тому времени рука действовала хорошо, не полностью сгибается, но чувствительность не снизилась. Со спецотрядом тоже было не все так гладко. Меня ведь тогда, когда я начал здесь работать впервые, невзлюбили почти все.

Еще бы, богатенький дурачок. Тогда вновь проявил себя сержант Фоули. Он убедил начальство, что в нашем участке также нужно держать штатного стрелка, и ведь, что интересно, прокатило. Даже более того, результаты пошли в гору уже через месяц. А что для копов результат? Правильно, сокращение преступности. А нас реально начали бояться в районе. Еще бы, только за два первых месяца службы я убрал четырнадцать бандитов. Двоих, особенно ими горжусь, ликвидировал в тяжелых условиях при захвате заложников. Ребята банки грабили, а я пресек это начинание на корню. А когда стали умирать и главы семейств, бандиты в районе взвыли.

Черт, это не Америка. Уже час топаю по дороге, а ни одной машины не проехало, причем в любом направлении. Да, я так, похоже, долго идти буду. Надо было сразу топать к железной дороге, через лес быстро бы получилось, на автостоп надежды нет. Немного подумав, свернул прямо в поле, что шло по левую руку. Конец мая представлен во всей красе. Зелень повсюду, еще не запыленная, как летом, сочная, красота! Поле оказалось довольно большим, зато пройдя его насквозь, вышел к небольшому перелеску, за которым увидел железнодорожную насыпь. О, вот по ней и пойду. В это время паровозы ходят довольно медленно, даже если не притормозит где-нибудь на повороте, смогу запрыгнуть.

Идя по шпалам, начал осознавать, что затеял весьма утомительное путешествие. Надо было машину во Владике брать. Угнал бы в порту по-тихому и… Ага, забыл, блин, в какой стране нахожусь. Тут машин одна на сто километров, наверное, поймают как пить дать. Нет, будем ждать поезд.

Часам к двум дня я проголодался. Свернув с железнодорожной насыпи, забрался в березовую рощу, что располагалась по обочине. Разведя костер – мне нужно было достаточное количество углей, чтобы испечь картофель, – стал собирать в округе дрова. У Валентины из дома я брать почти ничего не стал, там и так не богато живут, да еще и я бы обобрал. Взял немного картошки, этого добра у нее хватало, хоть и прошлогодняя, мягкая уже, но ничего. Была идея сварить прямо у нее дома, пока собирался, да поторопился уйти, вот и буду теперь запекать в углях. Через час костер прилично прогорел и я, наконец, закинул картоху в угли. Забыл уже, если честно, каково это, вот так сидеть у костра и есть картошечку. Запах по округе пошел такой…

Да, шума машин, кстати, так и не услышал за все время, что нахожусь тут, то ли далеко забрался, то ли просто никто не ездит. Ладно, как и собрался, попробую попасть на поезд, может, повезет? Если кто повезет.

Налопавшись, хотел было отдохнуть, но что-то комарье разлеталось, да еще и мошки местные уж больно кусачие, поэтому собрался и, затушив костерок, двинул по направлению к железке. Сколько придется ждать поезда, даже не представляю, одно точно, куда бы он ни шел, за исключением направления обратно, во Владивосток, я поеду на нем однозначно. Сейчас, идя практически по шпалам, я высматриваю место, где паровоз точно сбросит скорость, тогда и воспользуюсь этим.

Ну и задачку я себе задал! Целый день шел, только под вечер встретил небольшой мост и решил ждать возле него, так и так поезд тут сбросит ход. Состав показался, точнее я его сначала услышал, только глубокой ночью. Меня к тому времени уже местные насекомые откровенно зажрали. Вот блин, кормил раньше клопов, как и все на фронте, и ничего, бесило, конечно, но вполне привыкаемо, а тут… Когда солнце скрылось за горизонтом, твари просто обнаглели. Первое время пытался отмахиваться, затем плюнул на маскировку и развел костер, руки устали махать. Возле костра было немного легче, кусали в основном спину, но я регулярно поворачивался, да и вообще не сидел без движения, поэтому всю кровь у меня не выпили. Но представляю, как я сейчас выгляжу, от постоянных почесываний тело зудит, и на видимых участках кожи наливаются волдыри. Вот, блин, живность какая агрессивная, или это от нехватки пищи?

Состав, как я и предполагал, сбросил скорость перед мостом. Закинув сначала мешок, двигаясь бегом рядом с поездом, я уцепился и втянул себя следом. Специально ждал открытую платформу, вагоны могли быть заперты, рисковать не хотелось. Поезд, к моему удивлению, после проезда по мосту не разгонялся. Причину я узнал чуть позже, когда поезд остановился, машинист и, видимо, помощник криком заставили меня вылезти.

– Ты чего тут делаешь? – строго спросил усатый мужичок, лет эдак пятидесяти от роду.

– Еду, не видишь, что ли? – шутливо ответил я. Но шутка не прошла.

– А на кой черт ты мне тут сдался? Ишь, едет он! – продолжал возмущаться машинист.

– Ты чего орешь-то, отец? – спокойно спросил я.

– Так запрещено же…

– А ты сделай вид, что не заметил, – предложил я.

– Ага, а потом самому лес валить? Ты сбежал, а мне к хозяину?

– Это ты с чего взял-то? – удивился я.

– Ты на себя-то посмотри! Весь какой-то помятый, грязный, хочешь сказать, что не из беглых?

– Ты чего, отец? Я просто сел к вам, так как машин на дороге нет, а мне ехать срочно нужно.

– И куда ж такая срочность? – чуть сбавил тон машинист.

– В Москву, вестимо.

– Вот это загнул! – рассмеялся мужик. – Где мы и где столица!

– Да знаю, что далеко, но как-то добираться нужно.

– Вот бери билет, садись в пассажирский поезд и кати. А то залез как беглый в товарняк и рад.

– Чего вам, жалко, что ли?

– Да мы ж едем-то всего на триста верст, не пассажирский, чай. Вон, видишь, уголек таскаем, – мужик указал на угольные крохи, что валялись на платформе.

– Да мне и надо-то куда-нибудь выехать, где с транспортом легче будет, – естественно, я не думал, что этот небольшой составчик меня до столицы доставит.

– Пойдем тогда к нам, неча тут по вагонам ныкаться, – сменил гнев на милость машинист. Его помощник за все время разговора только молчал.

Я не соврал машинисту, действительно собирался в Москву. Вы же не думаете, что я хотел явиться к Петру нелегальным гражданином? Да и сколько я так, без документов-то, пробегаю? Нет, я вернусь в столицу, откопаю свою закладку с бумагами, вот тогда и можно будет дышать спокойно. Перед тем своим отъездом я собрал все документы, немного денег, что были у меня, награды и хорошенько прикопал, вряд ли кто-то нашел. Испортиться, конечно, могли, но надежда была. На случай вопросов о старых документах я решил врать, что лечился все эти годы в Сибири. Буду плести о местном знахаре таежном, может, прокатит. Ведь по большому счету, что мне предъявить? Документы старые, так говорю же, отсутствовал я во внешнем мире. Диагноз у меня есть, результат излечения на лице, так что думаю, все будет в порядке.

В кабине паровоза было жарко, тесно и грязно. Мне указали угол, чтобы стоял и не отсвечивал. Мужики совсем не были расположены к разговорам, угрюмо и монотонно выполняли свою работу, а она у них очень тяжелая!

Примерно через два часа меня хлопнули по плечу, я в это время таращился в окно, пытаясь разглядеть населенный пункт, что виднелся в нескольких километрах слева.

– Эй, пассажир, сейчас ход сбросим немного, тебе пора! – безапелляционно заявил машинист. В ответ я лишь кивнул и поправил мешок на спине. Что делать, если таковы правила. Людей могут серьезно наказать, мне-то это зачем?

Был самый разгар дня, но я ушел от железки в сторону, надеясь перекусить и тупо подумать. Если честно, мне уже надоело такое путешествие. Таким макаром я до столицы буду полгода шлепать. А, плевать на конспирацию, поймают, значит поймают. В поезде меня посетила идея пробраться на пассажирский состав, вот перекушу и пойду к поселку. Тут недалеко, машинист сказал напоследок. Буду ловить именно такую «попутку», хочется побыстрее добраться.

Да, пять дней назад я и представить себе не мог, чем чревато путешествие на пассажирском поезде в Союзе в послевоенное время. Проверки документов на каждой станции, менты как собаки, неизвестно еще, кто из них злее. Чего они

так шакалят, шпионов ищут? За несколько дней я где только ни прятался, даже под вагоном ехал один перегон. Но все же подобрался к Москве на довольно близкое, условно, конечно, расстояние. Я сейчас в районе Свердловска, уже не Дальний Восток. Отсюда я поеду на машине, сошелся случайно с одним шоферюгой, если точнее, спас его от разбитой морды и увечий. Мужик нарвался возле вокзала на каких-то ушлых дельцов, вроде кидал, ну и еле ноги унес. Точнее, я и помог убежать вовремя. После разговорились с ним, тот был под впечатлением от моего сольного выступления, еще бы, четверых уработал на раз, ну и рассказал, что пилит в Горький. В машине он один, так что на мою просьбу ответил удовлетворительно. Но, блин, как же их запугали-то всех, тоже ведь намеревался увидеть мои документы. Нести полную чушь я не стал, отделался полуправдой. Сказал, что у самого украли все документы и деньги, поэтому и сорвался на тех кидал, что водилу плющили, так как злой был. Шофера, по крайней мере на первый взгляд, такая полуправда удовлетворила, и он согласился меня взять с собой. А уж мне-то как полегчало, все-таки на трассе, я думаю, будет не так много проверок, не война же все-таки. Перспектива же быстро попасть в Горький вообще порадовала, там уже недалеко.

Радости заметно поубавилось, когда я увидел, на чем поедем, да, это вам не «Скания» какая-нибудь из двадцать первого века. «Студер» – это еще та зараза, но за неимением гербовой…

Еще через четыре дня я распрощался с Василием, что подвез меня из Свердловска в Горький. Под конец путешествия мы уже были как родные. Так и вспомнился фронт, там такие же отношения были с ребятами, Васька, кстати, тоже войну прошел, в шоферах, да не в тылу. Награды имеет, сам я не видел их, но верю, это по глазам видно. Воевал тот на севере, в Карелии, там тоже не сахар было, так что мы скорешились.

В Горьком я довольно легко купил билет на поезд до Москвы. Купил, как и все люди, в кассе вокзала. Почему-то здесь у меня даже и не подумали спросить документы, этим и воспользовался. До поезда было несколько часов, которые я с удовольствием потратил на то, чтобы немного посмотреть город. Побродил по улицам, ни разу не вызвал какого-то подозрения у милиционеров, съел два мороженых – в общем, приятно провел досуг.

Столица меня поразила в одно мгновение. Огромная стройка. Как и в моем времени, здесь всюду что-то строили, обалдеть можно от масштабов. А в будущем постоянно люди в регионах плачут, что все деньги в Москву идут, в

регионах ничего нет. Люди! Так всегда было и будет. Это – столица!

Удивлял даже внешний вид людей. В провинции народ беднее одевается, мужики так вообще как один все во френчах и гимнастерках, разве что погон нет и нашивок. Медали с орденами многие еще носят, но в основном напоказ не выставляют. В Москве же… Блин, да обалдеть можно от разнообразия, по здешним меркам, конечно. Но накрашенные женщины и девушки в сорок восьмом году – это для меня диковинка. Я же не в Америке сейчас, там-то это само собой, но и здесь вполне себе живенько так. Еще в провинции, пока добирался, хлебнул, как говорится, через край той нищеты, что была просто кругом. Людям сейчас реально нечего есть, голод – это настоящая беда. В памяти всплывает что-то такое о послевоенном голоде, но особо знаний нет. В столице же прямо на вокзале рот раскрыл от удивления. Мало того что стояли тетки с лотками, в которых лежали горячие пирожки, так даже пиво продают! Рядом с вокзалом и вовсе ресторан работает. Понаблюдав с полчаса, отметил, что люди в него заходят самые разные, не только какие-нибудь партаппаратчики. У меня деньги пока есть, но светиться без документов не хочется, поэтому направился на трамвайную остановку. Нужно добраться до товарной станции, найду документы, вот тогда и в ресторан можно. Еще бы узнать у кого-нибудь, могу ли я, к примеру, деньги со своего аттестата снять, или он уже того, за истечением срока пропал?

По пути встретился киоск с надписью «Справочная», и я решил попытать счастья. Я ведь не знаю, кто выжил из ребят, с кем я воевал когда-то, но то, что Лешка Нечаев, мой первый взводный, до войны был москвичом, это точно.

Чуда не произошло. Нет, я не узнал, что командир погиб или без вести пропал. Просто в Москве мужчин с такими данными… Блин, да до хрена их! Пробовал и возраст указать, приблизительно, конечно, сузить рамки поиска хотел, нет, ничего не выйдет. Можно, конечно, выписать на бумажку данные всех, кто числится в столице, и тупо обходить подряд, но как-то не хочется.

Регистрацию в Москве никто не отменял, поэтому после того, как я удачно откопал свои бумаги и деньги, что оставлял здесь, направился в отдел милиции. Ждал всего чего угодно, вплоть до ареста, но чтобы вот так просто взяли и поверили в мою байку? Принявший меня старлей задал несколько вопросов, что-то записал, да и отправил в соседний кабинет делать справку. Сказали, как пропишусь где, сразу поставить отметку, на этом все и закончилось. Я даже отважился и спросил про аттестат. Оказалось, все так же просто, нужно в

сберкассу сходить, там предъявить новые бумаги, а дальше уж как захочу. Правда, теперь у меня уже не так много денег, как во время войны, цены-то подросли, да и денежки стали подешевле. Впрочем, это меня не пугало, денег у меня и так хватает, даже по меркам Москвы.

Приятно, черт возьми, было держать свои, кровью заработанные награды. Надевать не буду, как-то не по мне это, но бережно убрал в карман. Кстати, об орденах. Мне ведь и за мою короткую службу в американской армии пара висюлек перепала. Прикольно, у них за ранение аж целая медаль положена, ценят пока еще простых людей в Штатах, не обижают. Мне ведь даже пенсия там идет, небольшая, но по меркам Союза я получаю как здешний мастер крупного завода. Плюс служба в полиции, хоть и инструктором, рука не позволила полноценно пройти медицинскую комиссию, но на жизнь мне там хватает. Почему вдруг решил о деньгах подумать? Так все мои средства, вырученные на продаже драгоценностей, ушли в дело, а живу я именно на зарплату и пенсию. Бабки отбиваться начнут в начале пятидесятых, потерплю немного, говорю же, мне вполне хватает и того, что получаю. Ведь дело в чем, сколько человеку ни плати, он всегда будет хотеть большего. Счастлив оказывается тот, кто может себя остановить в потреблении, решив, что ему действительно нужно, а что вроде бы и не надо. У меня в Штатах дом на побережье, еще один, совсем небольшой, под Нью-Йорком, две машины, как и положено, у обоих домов, это чтобы передвигаться было удобнее, а больше мне ничего и не нужно.

Удалось переоформить аттестат и получить нормальную, новенькую сберкнижку. Деньги я на ней не трогал, только узнал остаток, да, не так уж и густо там, но все же лучше, чем у многих. После сберкассы направился на рынок, благо был близко. Торгашей уже было немного, успели, видимо, расторговаться, но я смог подобрать себе неплохой гардеробчик. Давно нужно было озаботиться, но не с переодеванием, а именно с покупкой. Меня, может, и в милиции не мурыжили именно потому, что внешний вид был подходящим. Сейчас я приоделся, неброско, но все же одежка была явно новее, да и просто чище. Тут же, на рынке, меня и настигли первые, со дня моего возвращения, приключения. Даже забыл уже, что у нас за страна. На подошедшего паренька, лет двадцати на вид, я вначале не обратил внимания. Когда почуял руку, шарившую в моем мешке, который висел за спиной, дергаться не стал. Чувство было, как будто меня слегка за плечи потянули.

– Думаешь, там есть что-то ценное? – спросил я не оборачиваясь. Ожидал всего. Думал, воришка просто сдернет или, на худой конец, что огрызнется на меня. Но произошло следующее. Чьи-то руки схватили мой мешок за лямки и потянули с силой назад, а, скорее всего, нога так толкнула меня вперед, что мешок с меня спрыгнул как по маслу. Даже сообразить не успел, как оказался на земле. Сложность была в том, что я находился практически в толпе, в очереди стоял, за хлебом, поэтому не сразу заметил, кто вообще меня ударил. Лишь по возгласам стоявших в очереди людей понял, куда смотреть. Только спину и кепку на голове удалось разглядеть, прежде чем очередь сомкнулась и вор исчез из виду. Мгновенно подпрыгнув, я рванулся было за ним, но вначале пришлось бороться со стоявшими в очереди. Кое-как растолкав зевак, некоторые очередники уже забыли, за чем стояли, и глазели, ожидая развязки. Повезло, что народа на самом рынке было немного, и среди рядов, уже в трех десятках метров от меня, я разглядел убегавшего. Бросившись в погоню, как оказалось, я поступил слишком опрометчиво, был практически сразу остановлен крепкими ребятами.

– Эй, дядя, не беги так, а то споткнешься! – выдал один, смешно цыкнув и ощерившись.

– Ой ли? – брякнул я и попытался обойти этих, несомненно, сообщников преступника.

– Ну, чего, глухой, что ли? – рявкнул второй, но довольно беззлобно.

– Не-а, слепой я! – серьезно бросил я в ответ и нанес два удара. Бил не в полную силу, а то еще бошки им поотшибаю, благо научился за эти годы многому.

Не дожидаясь, когда громилы осядут на землю, я пустился в погоню. Вор уже давно скрылся за углом павильона, что стоял по левую руку, но мало ли, была надежда, что эти «промысловики» здесь «работают» целый день, вряд ли уйдут с одним моим мешком. Хотя они к этому времени могли много набрать, надо спешить.

Выскочив из-за угла, я со всего маху налетел на здоровый такой дрын, толщиной с мою руку. Хорошо, что удар был в грудь, а не в голову, иначе бы точно убили. Да-да, этот хренов воришка, оказывается, спокойно дождался за углом, когда я добегу, и встретил меня дубиной в грудь. Свернувшись в позу эмбриона, я аж взвыл. Больше от обиды и досады, чем от боли. Нет, больно было, конечно, но я

себя материл, что так опрометчиво кинулся за воришкой.

– Шустрый, блин, какой! – пробормотал вор, шмоная мои карманы. Те, что были на виду. Хорошо, что деньги, ценные вещи и документы были во внутренних.

– Зря ты это, паря! – произнес я, через силу заставляя себя сделать рывок. Маневр был направлен на то, чтобы просто уйти в сторону, защитившись от возможного удара в голову. Не прогадал. Вор, явно испугавшись, уже занес было ногу, чтобы моей башкой пенальти пробить, да было поздно. Кашляя и сплевывая, я встал и распрямился.

– Повторяю, зря ты это. Верни, что взял, и я о тебе забуду… – я спокойно сказал это воришке в лицо и думал, что тот хоть что-то скажет. В ответ преступник лишь ухмыльнулся, и в его руке блеснула «финка». Да красивая какая!

– Отлично, мне как раз нужен хороший нож, давай его сюда, – в свою очередь улыбнувшись, хотя и было до сих пор чертовски больно ребрам, я вытянул вперед руку, чуть согнутую в локте. У меня, вообще-то, она хреновенько сгибается, как ни пытался хирург, причем отличный хирург, в Штатах мне ее восстановить, все же дефекты остались.

Воришка поступил именно так, как я и ожидал. Наглые слова жертвы всегда действуют на преступника как красная тряпка. Сделав выпад, наверное, хотел меня насадить как на пику, вор перенес весь свой вес на одну ногу. Двумя руками, одной по тыльной стороне ладони, а второй в район локтя, я остановил его руку, а левой ногой, ударив под колено, заставил преступника упасть.

– Говорил же, давай сюда! – сказал я поучительно, поднимая нож с земли.

– Тебе все равно хана, урод! – выдавил из себя наконец воришка.

– Ну ты и смешной! – откровенно заржал я. – Ты себя-то в зеркале когда последний раз видел? Красавец, бля! – Парень реально был смешным на лицо, как раз его и можно было смело назвать уродом. Торчащие огромные уши, выпирающий кадык, глаза навыкате, а еще меня уродом кличет.

Преступник попытался встать, точнее даже вскочить, но новый удар по ногам вернул его в прежнее положение.

– Сиди, пока не разрешу, даже дышать старайся через раз, понял меня, ушлепок? – я вдруг начал злиться, случайно заметив на земле сверток с медалями. Когда этот хрен успел его вытащить, я вообще не заметил. Сверток был во внутреннем кармане, вместе со всеми документами, я наивно полагал, что его он не найдет.

– Чё те надо? – презрительно, аж слюна с губы слетела, выпалил вор.

– Специально меня пасли, или на шару рванули?

– Ты чего, у хозяина, что ли, сидел? – вдруг надломившимся голосом спросил поверженный преступник.

– Сидят на параше! – Ну да, могу и на знакомом для таких людей языке общаться. – Но ты туда вряд ли попадешь. Вытряхивай все, да, не только мое, – увидев жест, когда бьют кулаком по сгибу второй руки, я не выдержал. Одной ногой сбив в сторону выставленные ко мне ноги противника, вторую я опустил между его «копыт». Легкий поворот всем корпусом, и одна нога противника, громко и противно хрустнув, сгибается под непривычным углом. Крик, вырвавшийся из пасти врага, а он, несомненно, являлся для меня врагом, пришлось глушить жестко. Катающийся по земле противник орал благим матом, когда ему на голову обрушился мой кулак. Крик внезапно оборвался, а я уже тянул руку, чтобы проверить пульс. Вот, блин, ведь не хотел вроде, а все равно ударил со всей силы, торопился. Мы ведь сейчас находимся за основным павильоном рынка, тут что-то вроде складов было, людей пока не было, да и прошло-то всего несколько минут от начала действий, но нужно торопиться. Короче, уработал я этого наглого воришку очень серьезно. Челюсть минимум в одном месте сломана, скула приобрела приличную вогнутость, а глаз мгновенно заплыл.

Нужно собирать свое, ну, за моральный ущерб еще можно прихватить и чужого, да и валить отсюда. Нападавший лежит в отключке, вокруг никого, так, шагах в тридцати прошла мимо женщина, но голову не поворачивала, действие-то кончилось, и ничто не привлекало внимание. Быстрый шмон дал мне нехилый прибыток, причем такой, что мне сразу захотелось допросить вора на предмет

их «малины» и «общака». Просто обалдел от суммы, что была на кармане у вора, вот и предположил, что где-то есть явно больше. Не то чтобы мне так нужны были большие деньги, просто хотелось лишить бандитов добытых средств. Скажете, чем я сам от них отличаюсь? Да фиг его знает, после того как за цацки грохнул гэбэшников в Сталинграде, мне вообще как-то пофигу стало на моральную сторону вопроса. Правда, там у меня выбора не было. Либо валить продажных служивых, либо в яму, я выбрал жизнь.

Еще раз осмотревшись по сторонам, схватил за шиворот ворюгу и потащил в сторону сараев. Нажав плечом на одну из дверей, втащил пленника внутрь. Пара оплеух – и тот застонал.

– Жить хочешь, паря? – тихо спросил я.

– Я… мммм… – А, черт, у него же челюсть в хлам.

– Тогда слушай, потом все равно скажешь, через не могу.

Я минут десять мучил его на предмет нахождения их «блатхаты» и «общака», пока не добился своего. Хата оказалась поблизости, возле рынка, но там люди, точнее, его подельники. Нычки он мне тоже, как мог, но описал. Крови на мне много, так что еще одну сволочь добавил к списку не раздумывая. Свернув вору шею, хотел было выходить из сарая, когда случайно в щель возле двери увидел тех двух громил, что пытались меня остановить в самом начале. Очухались, значит, хреново. Посмотрев, куда они побежали, понял, что в сторону их квартиры, что использовалась как «блатхата». Хорошо, мне тоже туда, плохо было то, что у этих двух в руках были стволы, а у меня, кроме теперь уже двух ножей, ничего. Ладно, чего мне, привыкать, что ли, на врага с голыми руками. Да и не совсем голыми, получается. Проблема была немного шире, на квартире их может быть много, вор сообщил о численности банды, а она была ой какая немаленькая. Если не соврал, что в его положении было бы очень сложно, то их там может быть два десятка. Шестерок внутрь не пускают, во дворе должны обитать, это ведь не просто место для сходки, а именно убежище для серьезных членов банды. Как пройти мимо шестерок незамеченным, пока не знаю, да и думаю, нужно ли лезть на рожон. Решил сходить и поглядеть, для начала. Не успел вылезти из сарая, как из-за павильона выскочили четверо сотрудников милиции и бегом устремились в ту же сторону, куда направлялись бандиты. О, блин, уже и погоня, точно нужно посмотреть, авось и догонят.

– Извините, товарищ сержант, – обратился я к милиционеру, стоявшему на углу нужного мне дома. Подойти я решил после того, как убедился, что менты не знают, куда дальше идти. Разошлись в стороны и проверяют по одному подъезды, опасно это. Вот я и решил подсказать, куда им нужно.

– Что вам, гражданин? – нетерпеливо бросил сержант милиции, кстати, с орденом Красной Звезды на гимнастерке.

– Два мужика, здоровые такие, – я показал руками ширину плеч громил, – с пистолетами в руках пробежали тут и зашли в подъезд вон того дома, номер четырнадцать.

– Точно с оружием? – тут же заинтересовался мент.

– Да что же, фронтовик наган не разглядит в руке? – даже удивился я.

– Спасибо, товарищ, вы очень помогли! – (О, я уже товарищ, а не гражданин.) отблагодарил меня сержант и хотел было идти звать товарищей на помощь, но я его дернул за рукав.

– Товарищ сержант, вы бы помощь позвали, их там не двое, я видел еще нескольких. Оружия в руках не было, врать не буду, но думаю, оно точно есть.

– Там же, у подъезда?

– Да, они тех встретили и вместе зашли внутрь.

– Черт, хорошо. Еще раз спасибо. Да, может, вы нам поможете?

– Да я инвалид, боюсь, что только помешаю…

– Да никто тебя на задержание не пустит, – успокоил меня мент, – наше отделение всего в двух кварталах, нужно сбегать туда и передать записку! – с этими словами сержант выхватил из нагрудного кармана блокнот и быстро начал писать.

Чувствую ли я вину? А за что? Решил воспользоваться милицией для своих шкурных дел? Да ни разу! Наоборот, предупредил, что бандиты при стволах, а то бы стражи порядка сунулись к ним и огребли, а так все будет хорошо. Да и плюнул я уже на «общак», черт с ним. Я наведаюсь сюда, когда все утихнет, судя по тому, что говорил воришка на допросе, менты вряд ли смогут найти тайник, обыскивали уже.

Отделение, в которое меня послали за подмогой, находилось все же не так близко, как это описал сержант, пришлось пробежаться чуток. Вытирая со лба пот, я оказался перед дежурным.

– Вы что-то хотели, гражданин? – спокойным тоном спросил меня молоденький милиционер.

– Да, у меня записка, а вот для кого, решайте сами. Только попрошу быстрее, там могут люди пострадать, – сказав, я передал записку дежурному, но ее тут же у него отобрали.

– Чего там, Костров? – подошедший милиционер в звании капитана вопросительно посмотрел на дежурного, а потом перевел взгляд на меня.

– Да вот, товарищ капитан, принесли… – дежурный протянул записку капитану.

– О, черт! У нас людей нет, только трое следователей… Так, мужчина! – это уже мне.

– Да?

– Вы сами видели, сколько там преступников и как вооружены? – задавая вопросы, капитан быстро добрался до железного шкафа в конце дежурки и начал открывать.

– Видел двух громил, с наганами, несколько человек были поблизости, оружия у них не видел, но, думаю, есть.

– В армии служили? Хотя… – чуть замешкавшись, явно осознавая мой возраст, капитан изменил вопрос: – Воевали?

– Да, демобилизован по ранению в сорок третьем.

– Что за ранение? – капитан выгребал из шкафа оружие и патроны.

– Ранение глаз, почти не видел ничего, вот, почти пять лет лечился, сейчас лучше.

– Поможете милиции? – Ни фига себе вопросец!

– Попробую… – смущаясь, ответил я.

– Держи, – перешел на ты капитан. В протянутой руке был ТТ, как только я взял пистолет, мне протянули еще два магазина и коробку патронов.

– Расписаться нужно? – спросил я, рассовывая по карманам боеприпасы и доставая одновременно документы.

– Ты где воевал? – спросил капитан, мельком взглянув в мои бумаги.

– Тринадцатая гвардейская…

– Сталинград? – удивленно вскинул на меня глаза милиционер.

– Именно, старшина запаса Иванов, Александр.

– Семенов, Костей зовут. Так, Костров, собирай всех, оружие готово, сам тоже идешь! – капитан вернул мне документы и больше ничего не спрашивал.

Надо было видеть молодого дежурного. Он так в лице изменился, словно его мелом обсыпали.

– Константин, не бери молодого, пусть здесь остается, может, по телефону помощь где найдет. Адрес-то знает.

– Да, думаю, ты прав, – посмотрев на дежурного, кивнул мне капитан. – Я в сорок втором с фронта убыл, осколок в груди, тоже три года по госпиталям, но вот, как

видишь, даже служить взяли.

– Остальные-то как, с опытом? – спросил я, видя, как в дежурку входят еще два милиционера.

– Один, второй чуть постарше Кострова, но ребята крепкие, – кивнул мне капитан Семенов.

– Тогда поторопимся, а то как бы там ваши коллеги дров не наломали, – качнул я головой.

Два следака, что взял в помощь Семенов, вооружились ППШ. Я, как снайпер и офицер отдела спецназа полиции Лос-Анджелеса, хотел бы увидеть винтовку с оптикой, но ее не было. Жаль.

Семенов рулил всеми, оказалось, он начальник того отделения, в которое меня послали за подмогой. У них всего в штате восемнадцать человек, но в наличии оказалось трое, вместе с ним. Четверых я уже видел, они караулили бандитов, вместе со мной команда насчитывала восемь рыл. Ладно, посмотрим, может, и получится уработать бандитов. Для меня сложность была в том, что менты ведь захотят непременно арестовать преступников, а под это дело мы можем потерять половину отряда. Эх, заставить бы воров стрелять, чтобы и нам сразу в бой, так легче. Спросил у капитана, как хочет действовать.

– Подойдем к подъезду, потребуем сдать оружие и выходить с поднятыми руками. Откажутся или стрелять начнут, что ж, примем бой. Ты, главное, первым не стреляй, жди моего выстрела, но обстановку отслеживай. Давай, вспоминай фронт, наверняка навыки не забыл!

– Нет, не забыл, в Сталинграде столько домов зачистили, не забудешь до смерти, – дернул я затвор и повернулся лицом к дому бандитов.

– Так, рассредоточились все, – тихо скомандовал капитан, и все начали быстро занимать удобные места. – Вот черт, рупора нет, придется так орать, – с сожалением заметил Семенов и прокричал призыв к бандитам сдаваться.

Все пошло так, как мне и хотелось, буквально сразу. «Шестерки» были неопытными бандюгами, одни понты. Может, те, кто постарше в их иерархии, и попытались бы договориться с ментами, но эти начали шмалять. Капитана Семенова чуть не завалили с первых же выстрелов. Уж больно огонь плотный был. У бандитов оказались автоматы, нам с ментами сразу поплохело. Расстояние до подъезда было метров тридцать, для эффективной стрельбы из пистолета далековато для обычного стрелка. Но я ведь все-таки снайпер, поэтому начал выискивать отдельно прячущихся бандитов и открыл огонь. После того как завалил пятого, я это отчетливо видел, я перезарядил ствол и стал наблюдать, перед этим сменив позицию. Наши начали давить огнем подъезд, ответных автоматных очередей больше не было, еще бы, автоматчиков я и выносил прежде всего. Из одного разбитого окна высунулся было ствол «папаши», но его быстро заткнули. Да уж, милиция в это время не церемонится с преступниками. Стреляют? Менты будут давить огнем до полного уничтожения. Странно, конечно, ведь в доме есть и другие жители. Но что было хорошо, менты стреляли прицельно, это вам не новобранцы на фронте, где шмаляли даже не на звук, а вообще так, для общей какофонии. Менты не попали ни в одно окно квартир, окружавших то, из которого велся огонь. Очень тщательно целятся, даже автоматчики.

Поймав себя на мысли, что мне кто-то что-то кричал, я огляделся. Вот же блин-блинский! Это уже рефлексы. Даже не заметил, как оказался под стеной дома. Это вот я зачем сюда полез? Мать моя женщина! Глянув в сторону ментов, те укрывались кто где, но Семенова я рассмотрел, я понял, кто кричал. Это меня окликали, когда увидели мой прорыв к дому. Черт, вот это я выдал! Я же не на службе, куда полез-то???

Эх, гранату бы! Из окна над моей головой, резвясь от азарта, длинными очередями стрелял какой-то хрен. Отсюда, со стороны противника, я увидел, насколько невыгодными были позиции ментов. Они не могли сделать больше одного, максимум двух выстрелов, их тут же давили огнем. Не предпринимая никаких действий, я так и стоял, будучи готовым идти дальше, когда увидел, как сначала одного, а почти сразу и второго мента сразили пули бандитов. Эх! Да что же я творю-то???

Квартира бандитов была на первом этаже трехэтажки, по правую руку от входа в подъезд. Я находился прямо под окнами. Упав на землю, я добрался ползком до дверного проема, но из подъезда также периодически постреливали, незаметно мне это место не пересечь. И тут я увидел козырек над входом.

Отличная идея, только вот тогда меня точно увидят те, что сидят в квартире… Блин, какая-то патовая ситуация. Те сидят, выходить явно не собираются, патронов у них там на целую войну, наверное. Наши уже экономят, стрельба со стороны ментов была очень скупой. Надо скорее завершать бой, иначе у нас банально кончатся боеприпасы. Я решился на прыжок, вряд ли сидящий в подъезде сумеет меня подловить, он ведь не ждет такого.

Чуть отступив назад, встал под окном кухни, с силой оттолкнувшись и сделав несколько быстрых шагов, я прыгнул вперед, приземляясь на руки, прыгал-то рыбкой. По мне не было сделано ни выстрела, то ли не заметили, то ли попросту не успели выстрелить. Так, выпрямляюсь и стучу в окно пистолетом. Спустя минуту за окном, стараясь выглядывать осторожно, появилась голова женщины, даже, скорее, бабушки. Жестами объясняю просьбу открыть окно, не понимает, блин, да что ж так все через одно место-то? Тут слышу крик, с трудом различаю голос Семенова. Смотрю в сторону милиционеров и наконец натыкаюсь взглядом на капитана. Тот показывает жест, в котором я понимаю, что тот объясняет мне, как попасть в квартиру бабки. Ага, советует разбить окно, черт, да меня старушка с дерьмом съест, когда я к ней залезу. Попытавшись все же еще раз объяснить старушке свою просьбу открыть окно, устав ждать, бью стекло рукоятью пистолета. Меня осыпает осколками, один, зараза, немного ранит руку, но вроде фигня. Подтягиваюсь и проникаю внутрь жилища. Бабка за окном уже на полу и что-то орет, я, не слушая причитаний, пролетаю мимо по направлению прихожей. Из подъезда стрельбы не слыхать, но это не значит, что там никого нет. Глазков сейчас еще ни у кого нет, приходится надеяться на мою скорость. Рву на себя дверь и… Понимаю, что тут никого и нет. Шаг вперед, голову вправо, осматриваю лестничные пролеты, что ведут вниз и вверх.

Тоже никого. Отлично, стреляли точно отсюда, но надо все равно проверять подъезд. Медленно, стараясь ступать как можно тише, я прошел весь подъезд до самого верха. Никого. Блин, а ведь из квартиры бандитов стреляет максимум пара стволов. С чего бы это, или заманивают? Высовываясь из окна на третьем этаже, машу капитану, показывая, что подъезд чист. Тот как будто только этого и ждал. Отдав какие-то команды остальным бойцам, сам по широкой дуге рванул ко мне. Бегу встречать его вниз, вдруг кто из бандитов выйдет. На первом этаже останавливаюсь и беру на прицел дверь бандитской хаты. Взгляд цепляется за что-то левее. Так, дверь квартиры слева от бандитской. Тут всего на площадке три квартиры. Две по сторонам, а одна прямая, вход в нее прямо с лестницы. Черт, а ведь дверь-то заколочена! Вновь рву к окну, что на пролет выше. Не вижу никого из ментов, но снизу слышу шаги. Обернувшись, наставляю ствол ТТ на капитана Семенова. Прыжком оказываюсь возле него и заталкиваю

обратно в квартиру старушки.

– Чего ты? – со сбитым дыханием спрашивает меня мент.

– У них наверняка вход в соседнюю квартиру прорублен, ты же слышишь, стрельбы почти нет. Та выходит окнами на другую сторону, а мы как дураки там никого не ставили.

– Чего делать-то? – как-то даже растерявшись, проговорил капитан.

– Давай к своим, идите в обход, может, кого и заметите. Хотя, думаю, что у них там машина, – моя речь была скорее рассуждением. – Здесь я сам закончу, оставь бойца на улице, передай, что я кепкой в окно махну, тогда пусть заходит. Все, кэп, беги давай, только осторожно, задницу не подставь!

Надо отдать должное капитану, он не стал упрямиться и показывать власть. Просто развернувшись, пробежал мимо уже совсем охреневшей бабушки и выпрыгнул в окно.

Вернувшись на площадку, я долго думать не стал. Взяв короткий разбег из квартиры старушки, я прыгнул ногами вперед, вышибая хлипкую входную дверь бандитской квартиры. Оказавшись у них в прихожей, лежа на двери, с ходу делаю два выстрела. Один говнюк держал дверь на прицеле и дал очередь практически сразу, меня спасло только то, что лежал на полу, точнее, на двери. Завалив бандита, ползком пробираюсь в сторону комнаты, откуда раздаются редкие выстрелы. Да, похоже, еще двое, а то и вовсе один. Выглянув из-за косяка, увидел картину маслом. Один из бандитов стреляет в окно, то и дело пригибаясь, не стоит на одном месте, постоянно двигается, вон как стекла под ногами скрипят и трещат. Так вот, один стреляет, а второй, сидя под окном, перезаряжает тому магазины к ППШ. А-а-а, да он раненый, вот оно что. Блин, а ведь бандиты-то явно фронтовики, вон как слаженно работают. Обидно, блин, я-то думал, тут урки прожженные, а тут…

– Эй, махра, кончай воевать, давай поговорим, я не мент, такой же как вы, фронтовик, – крикнул я из коридора.

– Сеня, они тут, – раздался приглушенный вскрик, и тут же ко мне в коридор влетели несколько пуль.

– Да не дурите, мужики, ведь вас же как мясо оставили, прикрыть воров. Вы для этого кровь проливали, чтобы урок защищать? – продолжал я.

– Вы же все равно не выпустите! – вдруг ответили мне.

– Так валите тем же макаром, что и урки, не стану в спину стрелять, я не в заградотряде воевал! – Последовала пауза.

– Мы уйдем, я верю тебе! – донесся ответ, а стрельба больше не возобновлялась. Услышав быстрые шаги по стеклу, я чуть высунулся в проем и увидел не то, что хотел. Один из стрелявших стоял и смотрел на меня. У меня ствол в опущенной руке, у него тоже, но вот во второй у него была граната, и она внезапно полетела ко мне. Кинувший ее, крикнул:

– Ничего личного! – и прыгнул в сторону, уходя из возможной зоны поражения. Мне оставалось лишь одно. Граната, стукнувшись об пол практически у меня под ногами, покатилась дальше, а я прыгнул в комнату. Уже в полете меня подхватила взрывная волна и швырнула в стену. Удар был жестким, но все же это лучше, чем получить десяток осколков. Да, мне удалось избежать ранения, но болело всё. Встав на колени, я проморгался и посмотрел на дыру в стене. Так, теперь я точно вас не отпущу!

Переваливаясь через обломок стены, я очутился в соседнем помещении. Почти прямо передо мной было открытое окно, а возле него лежал тот, кто еще минуту назад снаряжал магазины стрелку. Во лбу дыра, да, стрелок был жестоким человеком, если так поступил. Вот как раз он наверняка и служил в заградотряде. Подойдя к окну, я увидел, как к углу соседнего дома подбегает знакомая фигура. Далековато, но… ТТ хороший пистолет, две пули, устремившись вслед за преступником, настигли того возле самого угла дома. Стрелял-то я на опережение, вот и попал. Мужика крутануло и бросило в сторону. Он еще был жив, когда я подошел к нему.

– Зачем? – просто спросил я.

– Ненавижу вас, красноперых! – выдохнул бандит, изо рта текла кровь, он пытался сплюнуть ее.

– Я же сказал, что я не мент…

– Ага, а я поверил! – усмехнулся бандит.

– Отучили тебя верить людям, поэтому и оскотинился. – Раненый сунул руку в карман, но раны не позволили ему сделать это быстро, поэтому я и успел. – Ничего личного! – вернул я бандиту его же слова и сделал выстрел в голову. Бандит так и застыл, с рукой в кармане. Наверняка там граната, даже проверять не стану, на это бравая милиция есть. О, а меня сейчас, кажется, местные жители порвут!

Пока я стоял и смотрел на свежий труп, вокруг начали выползать люди. Кто-то даже что-то выкрикнул. Смотрите, какие смелые, пока рядом бандосы жили, небось ни одна зараза носа не показывала из дому, а тут осмелели. Я спокойно, но быстро решил ретироваться туда, откуда пришел. Уже подтягивался на раме, желая поскорее исчезнуть в квартире, как за спиной послышался знакомый голос.

– Эй, старшина, куда побежал-то? – капитан Семенов улыбался, придерживая раненую руку. На белой гимнастерке отчетливо видна кровь.

– Да тут местные чего-то расшумелись…

– Ну-ка, граждане, кто в свидетели пойдет? Жили рядом с бандитами, наверняка что-то видели и слышали… – Народ с улицы начало сдувать в прямом смысле. Вот такие в большинстве своем у нас граждане.

– Ага, ты еще скажи, что кто-то точно пособником был, тогда еще быстрее убегут, – сказал я капитану, подойдя к нему. – Серьезно? – я указал на руку.

– Навылет, болит, зараза, – поморщился Семенов.

– Чего с бандитами?

– Да ушли, суки… Думаю, немного, ребята всего четверых видели.

– Зато наверняка самых главных, ну, или важных, – заметил я.

– Да уж, – Семенов сплюнул, – как сам? Чего ты вдруг этого добил?

– Он, сука, в меня гранату в квартире бросил, как я извернулся, сам не понял. А тут думал, возьму его «языком», так он в карман полез, от еще одной гранаты я бы вряд ли увернулся…

– Да и правильно! – тихо, на ухо сказал мне капитан. – Чего он такого рассказать бы смог? Главари сейчас залягут так, что хрен найдешь, вряд ли будут по старым нычкам прятаться.

– Возможно, возможно.

– Скольких же ты завалил, а, старшина? – серьезно посмотрев на меня, спросил капитан.

– Да не считал, как-то не до этого было, – скромно сказал я.

– Можешь ты стрелять, брат, прямо снайпер! – похвалил, прихлопнув меня по плечу, милиционер.

– Так я и был снайпером на фронте, – пояснил я.

– То-то я гляжу, пока мы там думали и целились, ты всех автоматчиков заткнул! – восхищенно и как-то радостно воскликнул Семенов.

– Да ну, не перебарщивай, на, держи подотчетное, – я протянул капитану пистолет и патроны, магазины пустые также отдал.

– Тебя где искать-то, если что?

– Да я сюда так, проездом, хотел документы выправить новые, а то в тайге просидел столько лет без бумаг. Как в люди вернулся, гляжу, а тут столько всего наворотили…

– Это да, документы нужны. Я могу помочь, если хочешь, – у тебя жить-то есть где? – предложил вдруг капитан.

– Да нету, откуда? – ответил я, разведя руками.

– Могу в нашу гостиницу определить, кстати, а к нам не хочешь пойти? Ты ведь без работы сейчас?

– Я бы не против, да только хотел друзей найти, фронтовиков, навестить. Как выперли меня из армии, так не видел никого, а обещал обязательно приехать. Да и не был на людях я давненько, хотелось бы «подышать» немного, людей посмотреть, города…

– Так я не тороплю, отдыхай, гуляй. Как надумаешь, приезжай, все устроим, – серьезно заявил Костя.

– Подумаю, – кивнул я и добавил: – Но давай я все же не буду обещать, чтобы не подводить, ладно?

– Да не вопрос, – ответил милиционер. – Ты сейчас-то куда?

– Да я собственно на рынке был, кое-что из одежки покупал, моя совсем истаскалась. А тут эти… – я указал на труп.

– Ну ладно, пойдем, нам еще бумаг кучу писать.

– Я через окно, если не возражаешь?

– На фига?

– Так у меня вещи в мешке возле дома лежат, если не сперли, пока мы тут кувыркались!

– Ну давай, там сейчас наши подойдут, ты только в квартире оружие не трогай, замучаешься потом доказывать, что не твое.

– Спасибо, бывай, капитан, глядишь, может, и свидимся, – поблагодарил я милиционера за совет.

Оказавшись в помещении и не увидев ни одного коллеги Семенова, я вдруг вспомнил о тайниках бандитов. А что, можно и хапнуть, я, можно сказать, заслужил сегодня. Быстро пробежав по квартире и убедившись, что никого в ней кроме меня нет, я быстро заскочил в кухню и, подставив табурет, полез к вентиляционной решетке. Она тут на загнутом гвоздике держалась. Повернув тот, убрал в сторону решетку и просунул руку. Довольно быстро нащупав большой сверток, вытянул его наружу и, мельком глянув, убрал под пиджак, заткнув за пояс. Вернув решетку на место, я устремился к окну. Пока было так же тихо, надо спешить. Сунув нож под один из углов подоконника справа, чуть надавил, и тот послушно поднялся. Руками сдвинул доску подоконника в сторону и заглянул в скрытую нишу. Мама моя, а как мне выносить все это? Внутри лежал сидор, выглядевший квадратным. Развязав завязки, увидел пачки денег, а деньги сейчас не как в двадцать первом веке, купюры просто огромные, чуть не со страницу небольшой книжки. Вновь завязав мешок, я накинул его на плечи и прямо так двинул к выходу, вернув подоконник на место. Во дворе уже суетятся милиционеры, поэтому два других схрона проверить не успею, плевать, и так, по-моему, до хрена взял, надо еще выйти как-то.

– О, старшина, торопишься? – я столкнулся в дверях с одним из следаков, что взял в помощь Семенов.

– И тебе привет, как сами, все живы?

– Да пощипали нас, сам же видел. – Точно, видел.

– Чего хотел-то?

– Помоги трупы вынести.

– А их осматривать что, не будут?

– Да чего эту падаль осматривать, выкинем на улицу, сейчас труповоз подъедет.

– Ну, давай. – А чего, глядишь, я так и мешок незаметно на улицу вынесу.

У бандитов в хате хватало разного вида сумок, мешков и прочего барахла. На мой вопрос, выносить ли добро, следак ответил утвердительно. Вот я положил

на грудь одного из трупов мешок, что стоял возле стола в большой комнате, а рядом и «свой». Схватив труп за руки, потащил волоком на улицу. Следак было окликнул, предложив таскать по двое, да я отмахнулся, а тот, чуть подумав, брякнул:

– И то правда, чего с этим говном возиться. Тащи так, возле входа, у подъезда, бросай, там наши разберутся, когда машина подъедет.

Вытащив все трупы, я попрощался с милиционерами и отошел в сторонку, туда, где лежал сидор. Я его недалеко откинул, когда вынес вместе с первым трупом на улицу. Народ хоть и бдит по окнам, да вряд ли что-то разглядели. Тут выступ в стене, эркер, что ли, вот под стену я мешок-то и пристроил. Сейчас, дождавшись момента, когда на меня никто не смотрит, я просто взял мешок и двинул отсюда. По пути еще и свой прихватил.

Чего-то я обнаглел с наживой, я же в Союзе, а не в Штатах, куда мне здесь такие бабки, тратить-то их где? Всего с бандитов, вместе со схронами, я снял такую кучу денег, что хватило бы до конца жизни спокойно жить не работая. Только ведь не дадут так жить, спалюсь нафиг. Да и, если честно, не собирался я до конца жизни тут оставаться. Одно дело, навестить друзей, самому погулять по знакомым местам, а совсем другое здесь жить постоянно.

Вечером, сняв комнату у одной бабульки с рынка, я пересчитал все деньги, привел в порядок одежду и продумал, как буду действовать завтра. Решил я рвать с утра в Рыбинск. Возьму билет на поезд и поеду, скорее всего, так и сделаю. Можно было бы, конечно, «дернуть» тачку, да ехать самому, но я быстро отмел эту возможность. Нет, машин тут хоть и не как в двадцать первом веке, но все же много. После войны тут катаются теперь и иномарки, правда их немного. В основном же, конечно, «эмки», «Победы» да «полуторки» разные. Отмел я вариант с машиной по другой причине. Ужасно не хотелось трястись по нашим, отсутствующим дорогам, да еще и за рулем таких машин. Мне хватило дороги от Свердловска до Горького, там, хоть и пассажиром, но я успел вкусить все прелести передвижения на машине в Союзе. Более или менее комфортно, если можно вообще так сказать, ехать можно лишь со скоростью тридцать километров в час, я так неделю ехать буду, уж лучше поезд. Да была и еще одна причина, не столь веская, но все же. Мне почему-то не хотелось преступать закон в Союзе. Не то чтобы я каким-то ангелом стал, помню прекрасно, что натворил в Сталинграде, но вот просто не хотелось воровать. Это я к тому, что была идея угнать машину, да и ехать, но я эту идею затолкал поглубже в дупу.

К сожалению или к счастью, пока не разобрался, ближайший поезд до Ярославля, в Рыбинск напрямую почему-то рейсов нет, будет только через сутки. Надо чем-то занять себя на это время. Решил просто погулять. Вон, парк Горького есть, надо посетить, только вещи куда-то пристроить, а то хожу тут как передвижное отделение Госбанка, до первой остановки милицией.

Деньги припрятал просто, оставил в камере хранения, правда, пришлось снимать сразу две ячейки, в одну оба сидора не поместились бы. Только отошел от ячейки, попал на проверку документов. Нет, точно надо валить с Москвы, не хрен мне тут делать. Сейчас вот прогуляюсь до милиции, попробую через них узнать что-то об однополчанах, может и выйдет.

И ведь вышло. Оказывается, Нечаев жив, здоровье, правда, не очень, но все же живой, а вот Смолин погиб. Жаль «учителя», хороший был мужик, правильный. Погиб в самом конце войны, в Польше, будь она неладна. Почему? Так от рук пшеков и погиб, в спину суки выстрелили. Нечаева демобилизовали чуть раньше, в Белоруссии свое получил. Все это я узнал от одного мента, служившего в отделении, в которое я обратился. Оказалось, парень-то почти однополчанин, если не соврал, сказал, что даже помнит меня по Сталинграду. Убей не знаю, откуда он может меня помнить, я ведь старался не светиться, но говорил тот очень уверенно, хотя я думаю, привирает. Вот он, как узнал, что я воевал в тринадцатой гвардейской, так и решил помочь. Справки милиционер наводил долго, я часа три просидел в его кабинете за чаем. Напоили меня так, что начал думать о том, как бы не приспичило прямо на улице.

Нечаев, оказывается, уехал жить в Сталинград. Сразу после «списания» туда и отчалил. Вот же блин, я думал, меня одного туда тянет, ан нет, вот и командир этому свидетель. Как узнал, что Лешка там, сразу захотелось сесть именно на «южный» поезд и ехать в город на Волге. Но все же первый план пересилил меня. Кстати, я ведь и поехал в город на Волге, только в тот, что стоял выше по течению, в Рыбинск.

До дня отправления ничем особым не занимался, ходил, гулял, даже на ВДНХ сходил, впечатлило, хотя сейчас выставка была какая-то ограниченная, как сказали, реконструкция. Жизнь в столице даже сейчас, в середине двадцатого века, не для меня. Слишком шумно, слишком пафосно и слишком людно. Взять даже Лос-Анджелес. Город-то немаленький, но благодаря очень удачной застройке там не бывает таких скоплений людей. Тут же, блин, как в

муравейнике. Суета...

Поезд «пыхтел» очень медленно, я раз сто уже пожалел, что выбрал этот транспорт. Это ни фига не двадцать первый век, движение очень «рваное». Состав то разгонится километров до сорока, то вдруг сбрасывает почти до нуля. Чего он так плелся, непонятно. Одним словом, ехать ужасно надоело. Так или иначе, но в Ярославль я с божьей помощью прибыл. На вокзале шмона не было, хоть это порадовало. По другому времени помню, что в Ярике автовокзал на другом конце города был, но это в наше время, как сейчас, неизвестно. Ярославль меня не удивил, война до него не докатилась, поэтому здесь все было вполне узнаваемо. Конечно, это касается центра, исторической, так сказать, части города. Улица Победы, проспект Ленина, все вполне так, как будет в будущем, за исключением отсутствия высоких домов, что вскорости настроят.

Оказалось, в эти годы автовокзал был тут же, возле железнодорожного. Быстренько перекусил в буфете, так как узнал, что всего через час будет автобус на Рыбинск, и побежал на площадь. Когда подъехал «пепелац», в котором предстояло трястись восемьдесят километров, мне вновь стало грустно. Когда приеду, нужно будет где-то снять жилье и хорошенько выдрыхнуться, а то я и так уже устал, что со мной будет еще часа через четыре…

Автобус, грустно переваливаясь на ухабах, ну блин, здесь и в это время с дорогой просто беда, и натужно ревя изношенным мотором, аж шесть часов плюхал до нужного мне города. Екарный бабай, в будущем эта дорога, далеко не самого лучшего качества, будет занимать всего час, это если скорость не превышать, а сейчас… Я вылез на автовокзале так, как будто сам и рулил всю эту дорогу. По другому времени вспоминая историю города, а я ее неплохо так знаю, двинулся искать рынок, что должен быть расположен в соседнем районе. Это только звучит так, соседний район, будто это далеко, на самом деле километр пешком, не больше. Это ж не Москва, где из района в район надо на метро ездить. Улицы были чистыми и красивыми, деревья, которые активно будут пилить в восьмидесятые годы, сейчас были с меня ростом, и это как-то украшало город. Брел к рынку, хоть и было уже четыре часа дня. Торговля наверняка давно закончилась, но у меня надежда на старушек, что сидят до последнего в беседах с себе подобными. А чего бабкам еще делать, на танцы ходить? Шел долго, не потому, что устал вконец, а просто было очень интересно. Помню, на городском форуме постоянные участники все время сетовали, что

сохранилось очень мало фотографий, если добуду фотик, а главное пленку, обязательно наснимаю побольше, на память себе и потомкам. О, а что если фотографией заняться? Денег у меня на жизнь хватит, вполне могу себе позволить отдыхать, занимаясь для души фотографией. Вот уж оторвусь от души.

На рынке пара старушек, активно жестикулируя, смаковали историю одной женщины, что только что ушла от мужа.

– Ну и правильно, на кой ляд этого алкаша терпеть! – довольно громогласно заявила одна.

– Да ты что, он же только по выходным выпивает, зато работает… руки золотые просто! – не соглашалась вторая.

– Милые дамы, позвольте прервать вашу важную беседу, – вмешался я, побыв немного невольным слушателем сплетен.

– Чего? – даже, кажется, икнув от удивления, спросила первая. Мою речь или не поняли, или приняли не так, как мне бы хотелось.

– Уважаемые, извините за грубость, не могли бы вы подсказать, где можно снять комнату на несколько дней?

– Так бы сразу и сказал! А то – дамы…

– Еще раз извините…

– Ты приезжий, что ль? – вклинилась в диалог вторая.

– Ага, в командировку приехал, пока еще с жильем вопрос решится, надо как-то устроиться.

– Пьешь? Хулиганишь?

– Да вы что? – сделал я крайне удивленный вид. – Уж не мальчик хулиганить-то. Да и вообще… – что вообще, я уточнять не стал, но сделал крайне серьезное

выражение лица.

– А кем работать-то будешь? – вновь первая.

– Так милиционером, – спокойно сказал я.

– Вон оно чё! – воскликнули обе разом старушки и переглянулись. Но как оказалось, одна была явно не промах.

– А что же в общежитие не идешь, у них же свое, да и к работе близко будет? – а сама, как следователь, так и вперилась в меня своими черными глазами-щелками.

– Так я только приехал, с автовокзала иду. Там старушка подсказала сюда дойти. В общежитие устроюсь, когда на службу заступлю и предоставят место. Ведь как бывает, приедешь, а тебе говорят, что мест нет, что тогда делать? Вот и спросил одну бабушку, где можно жилье найти, она уверенно сюда направила.

– Документы-то есть?

– Есть, только удостоверения пока нет, не был еще на службе.

– Ладно, пойдем ко мне. Вчера комната освободилась, тебя заселю.

Договориться вышло легко, женщина осталась довольна тем, что готовить на меня не надо, максимум завтрак, все остальное время я рассчитывал быть в городе. Хотя кто сейчас может сказать, что и как будет?

Меня накормили очень вкусным ужином, даже не ожидал, если честно. Что понравилось жилье, которое мне предоставили, так это то, что квартира была хоть и коммуналка, но жильцов в ней было всего шесть человек, это вместе со мной и хозяйкой. Дом сам был чем-то вроде барака, одноэтажный с двумя подъездами, но на вид еще крепкий. Очень даже неплохо. Вполне себе чистая комната, условия хоть и общие, но вполне сносные. Одним из жильцов был сантехник, работающий в местном аналоге ЖКО, так что содержался туалет в порядке.

Быстро отужинав, я забрался было спать, но долго не мог заснуть, все прокручивая в голове то, что было, и то, что предстоит сделать. Да, я не только вернулся в страну, но еще и приехал в город, в котором лет через тридцать я появлюсь на свет, это как-то будоражило. Хотелось осмотреть буквально все, каждый дом, каждую подворотню. Понимаю ведь прекрасно, что нет еще не только моего будущего дома, а даже район тот сейчас, можно сказать, деревня, так как застроен исключительно частными домами.

Все-таки не заметил, как заснул. Утро наступило как-то резко, еще протирал глаза, когда хозяйка, наплевав с высокой колокольни на какие-либо приличия, просто вошла в комнату и разбудила, толкнув в плечо. Ладно хоть рефлексы с войны у меня отступили наконец. Года полтора назад поймал себя на мысли, что уже не кладу пистолет под подушку, да и от хлопков на улицах не вздрагиваю. Вот и говорю, повезло бабке, а то бы приложил спросонья-то, мяукнуть бы не успела.

– Эй, соня, вставай, на службу не опоздаешь? – Черт, вчера у нее голос был куда как приятнее.

– Тамара Алексеевна, какая служба, я ж с дороги только и прямо к вам, не был я еще на службе, там обо мне даже не знают.

– Так вот с утра и надо идти, а то как же? – Удивительно, она что, всю ночь репетировала речь?

– Сейчас встану, – ответил я и потянулся в кровати.

– Что-то ты не похож на милиционера, нежишься так, словно привык в кровати валяться. – Блин, она меня что, достать решила? Совершенно не хотелось ругаться, но и правда, вставать-то уже пора. Мельком глянув на часы, кивнул сам себе. Половина девятого, понятно, чего она так выступает.

– Вы извините, Тамара Алексеевна, просто как из армии демобилизовался, так никак не могу отоспаться.

– Где ж ты служил-то, уж немолод вроде? – чуть прищурив один глаз, спросила хозяйка.

– Так на фронте, знамо где. Тогда о возрасте не думали…

– Ой, милок, прости ты дуру, ведь вообще не подумала. Старая стала совсем, вообще ничего не соображаю, – извинялась она столь неумело, что я как-то сразу захотел свалить отсюда. За ней не заржавеет и участкового сюда притащить, к гадалке не ходи. Она даже не отвернулась, хотя бы для приличия, когда я встал с кровати. Понимаю, что бабка уже, но все же она перед мужиком стоит. Быстро надел штаны и рубаху и хотел было выйти в уборную, как внезапно понял, почему она не уходит.

– Тамара Алексеевна, а чем это так пахнет?

– Что такое? – заводила носом хозяйка.

– У вас на огне ничего не стоит? – я хотел выставить ее из комнаты, и не придумал ничего лучше, чем сказать, что якобы чем-то пахнет.

– Ой, мамочки мои, так ведь у меня же каша в печке! – вот теперь уже вполне верю, не играет.

Бабка выбежала из комнаты, а я, прихватив свои нехитрые пожитки, поскорее вышел из комнаты. Оказавшись в длинном коридоре, посмотрел по сторонам. Так, кухня, из которой сейчас доносились звуки, похожие на разбивание посуды, находилась практически напротив входной двери. Это заставило задуматься о том, как пройти незаметно. Вернувшись в комнату, я взглянул на окно и машинально кивнул – то, что нужно.

Уйти я решил, потому как назойливость хозяйки мне не понравилась. Топал сейчас мимо пивзавода, одного из самых старых зданий города, еще в прошлом веке построено. Писали, помню, хорошее пиво варили, сейчас уж не знаю, что тут и как. О, а палатка возле него уже стоит, не знал точно, когда она тут появилась. Сейчас закрыто, рано, наверное, еще, к вечеру можно будет опробовать, что за пиво варят в Союзе, на заводе в моем бывшем городе.

На автовокзале толпа. Постоял минут десять, почитал расписание, да и потопал себе пешком. Насколько помню себя в молодости, тут до моего бывшего дома восемь минут идти. Пройду, пожалуй, посмотрю, что там за деревня сейчас. Нет, смеюсь, это часть города, просто вон, отсюда вижу, одни деревенские дома,

потому и назвал деревней. Интересно, сколько ни задумывался, но кажется, история если и изменилась, то немного. Может, клад для себя будущего где прикопать? Я прекрасно знаю места, которые и через пятьдесят лет не будут тронуты, так что вполне можно сделать ухоронку. А уж если выбраться за город, туда, где у нас скоро будет дача… Дело за малым, найти что-то ценное, что будет храниться долго. Сейчас-то еще, конечно, рано, моим бабке и деду по материнской линии всего по восемнадцать, это у отца родители были старше. Да, тому деду, что воевал где-то рядом со мной в Сталинграде, сейчас тридцать один год, а мне тридцать четыре, мой отец родится только через девять лет, во, блин, дела…

Блин, а ведь когда тут снесут все эти деревяшки, вокруг района построят дорогу, а я сейчас топаю по тропинке, блин, как в лесу! Птички поют, собаки бегают, а, да, кошки тоже. Навстречу никого, иду себе и иду. Черт, а здорово здесь, все перероют вскоре, сейчас вообще не понять, где мой дом будет стоять, а где другие, сплошные деревянные дома и огороды. Так, вот здесь где-то гаражи вроде будут, заберу правее, не знаю, мост-то уже через Черемуху есть или нет?

Моста не было, зато на том берегу виден забор воинской части, а также военного завода, что будет тут работать лет семьдесят, дальше уж не знаю, сюда провалился. Надо на всякий случай подальше держаться, а то хрен его знает, за шпиона примут, оправдывайся потом.

Забрав левее, я нашел тропинку, что вела в общественный сад культуры, пойду через него, все равно к мосту надо.

Через полчаса неспешной прогулки я вышел к железнодорожному вокзалу. А старый корпус отлично выглядит, как новенький! Перешел пути вместе со снующими туда-сюда людьми. Кстати, время вроде рабочее, а людей по улицам ходит много. Бегают и мужчины, и женщины, надо же…

Так, с железнодорожного вокзала мой путь пролегал в сторону набережной, именно там жил до войны Петя, мой фронтовой друг. Я приехал именно к нему и скоро, я надеюсь, его найду. Почему так уверен, что смогу найти? С фронта он был списан, надеюсь, что живя в тылу, остался жив и на свободе, вот и считаю, что он тут, в городе.

Набережная меня поразила. Нет, тут не было каких-то помпезных строений, тут было просто очень чисто и аккуратно. Деревья и кусты аккуратно подстрижены и расположены не абы как, а по линеечке, приятно пройтись. А дома тут, в центре города, были еще старой, дореволюционной постройки. Крепкие, кирпичные дома, имеющие в большинстве своем два этажа, но встречались и трехэтажные.

На то, чтобы найти нужный дом, у меня ушло минут двадцать, оказалось, в эти годы домов здесь было раза в три больше, чем останется в начале двадцать первого века. Строения расположены, казалось бы, в беспорядке, стоят и в линию, и внутри дворов. Если не заглядывать в подворотни и арки, то хрен найдешь. Поднявшись на второй этаж, удивился, не увидев привычный таблички возле звонка. Выходит, Петруха живет в квартире, а не в коммуналке.

– Доброе утро, а Петр Курочкин здесь живет? – спросил я, когда после звонка дверь открылась и на пороге появилась маленькая девочка, лет трех, наверное.

– А он на службе, – услышал я голос, а затем увидел и того, кто говорит. К двери подошла и встала за спиной у девочки удивительно красивая женщина, или девушка, выглядит очень молодо.

– Ой, простите, я Александр Иванов. Мы с Петром вместе служили… – Что произошло дальше, я даже не понял. Дверь распахнулась во всю ширь, и на меня просто прыгнули. Стою как дурак и не знаю, что делать. Эта женщина, да, скорее женщина, крепко обняла меня и стала что-то причитать. Из всего обилия слов я распознал только «спасибо».

– Извините… – пробормотал я, не зная, что еще сказать.

– Ой, это вы простите меня, накинулась, как девчонка. Проходите скорее, Александр Сергеевич! – О как, меня тут еще и по имени-отчеству знают?!

– Вы простите, не знаю вашего имени… – начал было я, когда наконец очутился в квартире.

– Я Алена, Алена Курочкина, Петя мой муж. – Вот это дал напарничек, такую дивчину отхватил!

– Ему повезло, – сказал я, делая не очень скромный комплимент.

– Ну что вы, Александр Сергеевич, это мне повезло, точнее, нам, – она выделила голосом последнее слово и взглянула на девочку. Так это Петрухина дочурка?

– Так, Алена, давайте без всяких Сергеевичей. Я понимаю, что выгляжу старым, но чувствую я себя гораздо моложе, – усмехнулся я.

– Ой, извините меня, Александр…

– Да просто Саша, что вы, в самом деле.

– Хорошо, Саша. Как вы здесь оказались? Петя вас столько искал, и после войны, и даже тогда, когда вы только уехали с фронта.

– Лечился я, Алена. Так уж вышло, только сейчас вернулся. Так, а где служит Петя, я правильно вас понял?

– Да, правильно, он в милиции служит. – Вот тебе, бабушка, и плюшки с изюмом. Утаивал, утаивал мешок с деньгами, а тут друган меня и сдаст. Хотя о чем это я?

– А как же…

– Вы о руке? – поняла мысль Алена. – Так он тоже долго лечился, ничего, нормальная рука стала. Чуточку плохо гнется, но это ему не мешает. Он следователем работает, бандитов не ловит, только дела ведет.

– Ясно. Так как мне его найти?

– А чего искать? Побудете у нас, он на обед домой приходит, это уже скоро, в двенадцать. Минут в пятнадцать первого он уже дома.

– Ну, я не знаю, не помешаю я вам? – мне стало неловко.

– Да что вы?! – возмутилась Алена. – Нисколько. Вы с дороги?

– Да, – не стал я говорить, что приехал вчера.

– Давайте я вам воды нагрею, сможете помыться и побриться.

– О, это с удовольствием, – восхитился я. Ну точно, Петрухе повезло, да еще и как!

– Хорошо, проходите на кухню, – мне указали направление, и я пошел, ведомый девочкой.

– Малышка, а тебя как зовут? – спросил я, дотронувшись до плеча девочки.

– Маша, – важно сказала Петина дочь.

– Хорошо, Маша. Чаем угостишь? А я тебя баранками! – предложил я, доставая эти нехитрые яства из мешка.

– Да, садитесь, пожалуйста. – Какая вежливая дочь. Наверное, в маму. Вообще-то, Петруха тоже, помнится, был скромным и вежливым парнем.

Когда чайник нагрелся, меня угостили крепким, явно без примесей травы, как делали многие, заваривая вместе с чаем всякие травки, чтобы расход меньше был. Напомню, голод сейчас, любые продукты в дефиците. К баранкам я достал еще и плитку шоколада, сухари и банку сгущенки. Черт, как знал ведь, когда на рынке в Москве втридорога покупал.

– Ой, что вы, столько всего! – изумленно посмотрела на меня Алена, войдя на кухню.

– Не нужно лишних слов, просто угощайтесь, – сказал я, делая пригласительный жест. – Я так понимаю, раз вы знаете отчество, так и о многом другом Петр рассказывал?

– Конечно! Он же, особенно первое время, когда вас искал, только о вас и говорил. Вы же ему жизнь спасли! Как он мог не рассказать мне о вас?

– Чего? – удивился я, это еще чего Петруха придумал, какую жизнь? Или он о том, как я его из воды вытащил? Вот блин, столько всего пережили вместе, а он все помнит такую фигню!

– Как же, ведь если бы вы не откопали его, он так и умер бы в своей ячейке. Сам-то не мог вылезти, рука не давала. – А, вон она о чем. Так ведь я тогда и не копал его, просто кричал бойцам, подоспевшим вовремя, чтобы его откопали.

– Ну ладно вам, он многое преувеличил. Бухгалтер! – бросил я в сердцах.

– Он так и не доучился. Пошел в милицию служить. Так-то его сразу не брали, он тоже долго лечился, но все же смог убедить всех, что может работать как все. Ему командиры ваши помогли, хорошую бумагу написали, да еще и наградили. Вот в милиции и пошли навстречу. Он очень хорошо служит, недавно старшего лейтенанта получил и орден! – видно, жена очень гордится мужем и просто счастлива, как может быть счастлива хорошая добрая женщина.

– Я очень рад за него, – ответил я и, чуть подумав, добавил: – И за вас. Рад, что он нашел такую хорошую жену!

– Я его с института любила. Мы на одном курсе учились, вот. А когда он вернулся, сам меня вдруг нашел и…

– Молодцы вы, ребятки. Так держать! – только и смог сказать я.

– Ой, Саша. Вода готова, вам помочь? – Да, это уже явный перебор, но здесь сейчас это нормально. О чем-то пошлом люди еще не думают.

– Вы мне только объясните, как водой пользоваться, дальше справлюсь, – спокойно попросил я, указывая на печь.

– Да все просто, – девушка показала мне, куда налить воду, в чем можно разбавить. Она ведь просто на печи согрела мне два ведра, а мыться предстояло в небольшом корыте, в которое, если честно, даже не сесть. Да, в Штатах-то я привык, там с бытом уже давно все в порядке, но в Союзе пока только так. Скоро ли еще газ подведут и у людей появится горячая вода в домах? Хорошо хоть вообще был водопровод и канализация.

Сколько я плескался, даже не заметил, но когда я, чисто выбритый и одетый в чистую одежду открыл дверь ванной комнаты, кстати, именно ванной, у многих это вообще делалось на кухне, то был сжат в объятиях моего друга. Это сколько же я мылся, что Петруха на обед вернулся?

– Как, как ты здесь оказался? – друг лапал меня уже целых десять минут, не выпуская из объятий. По его щекам текли настоящие ручьи, даже я прослезился.

– Ты меня задушишь сейчас, так ничего и не узнав! – констатировал я, пытаясь выбраться из крепких Петькиных лап.

– Сань, но как? – не уставал повторять мой друг и братишка.

– Да вот как-то так. Потом расскажу, а то ты, наверное, теперь бдительный стал, еще прицепишься… – пошутил я.

– Ты что, на зоне был, что ли? – вдруг словно споткнулся Петя.

– С чего ты взял? Хотя жил я именно в Сибири, которой так много пугают. Ничего, и там люди живут.

– Слушай, ведь мне в сорок четвертом ответ из Москвы пришел, что ты без вести пропал!

– Как это? Вроде пропадают на фронте, а с него меня поперли…

– Ну почему? Если человек исчезает, внезапно, то как это еще назвать? Удалось лишь отследить, что ты засветился в Москве, когда в госпитале лечился. Только вот врача найти не удалось, умер он, буквально через полгода, как тебя лечил.

– Да, жаль старика, он мне веру в жизнь вернул, да и зрение тоже, хоть и не полностью.

– Ну дела, как же ты без документов-то?

– Да нормально. У меня же они были, вот был в Москве, получил даже деньги в сберкассе. В милиции предлагали восстановить бумаги, да я не стал, решил

быстрее к тебе приехать, позже переоформлю.

– Да я сам тебе все сделаю. Только… ты точно ни во что не вляпался? – Вот же, блин, бухгалтер-следователь, все-то ему нужно знать наверняка.

– Да точно, точно. В Москве, правда, с бандитами поцапался, обворовать хотели. Обратился к местным ментам, ой, прости, милиционерам, помогли. Правда, пришлось и самому пострелять, у служивых банально людей не хватает, вот и меня чуть на службу не привлекли, еле отбоярился.

– А что, ты не хочешь еще послужить? – удивился Петя.

– Петь, тебе честно?

– Конечно, да и не врал ты никогда!

– Наслужился уже выше крыши. В тайге, когда глаза поправились, бандитов гонял, теперь вот к людям вылез, а меня опять эту шушару гонять? Нет уж, хватит.

– А чего делать будешь?

– Да не знаю. Хочу по стране поездить, посмотреть, как жизнь у людей налаживается.

– Ну, с этим проблемы могут быть. Как это, что человек нигде не работает, да и места жительства у него нет?

– Так у меня довольствия столько скопилось, хватит, наверное, не один год прожить, не работая, потом что-нибудь придумаю. – Да уж, вот и как мне ему рассказать, где я был и что делал? Он же правильный стал, как не знаю кто.

– Ладно, черт с ней, с работой. Как тебе мои? – мы сидели на кухне, а Петькины девчонки тактично ушли в комнату.

– Во! – я показал кулак, с оттопыренным большим пальцем. Петя скромно потупил взгляд и кивнул сам себе.

– Люблю их, чего бы делал без Аленки, не представляю. Я же пить начал, как с армии списали. Рука не гнется, работы нет. Мать не дожила, померла. Отец на фронте пропал.

– А ты где такую отдельную квартиру отхватил, буржуй? – спросил я с интересом.

– Так это от родителей осталась. Да и Алена в соседней жила, на первом этаже. Там коммуналка, они в ней с матерью жили. В прошлом году ее схоронили. Вот, значит, когда женился, нам квартиру и оставили, правда комнату Алены забрали. Теперь у нас своя, отдельная квартира, все-таки это не коммуналка…

– Да и не говори, насмотрелся уже.

Мы сидели, Петя достал бутылку водки, медленно попивая сей национальный продукт, разговаривали обо всем сразу. Он почти сразу сходил к соседям, у тех был телефон в квартире, там жил какой-то начальник, позвонил на службу и отпросился. Нам столько нужно было сказать друг другу, что даже не заметили, как ночь наступила. Прерывались лишь на походы курить, я категорически отказался дымить на кухне, вот и бегали на лестницу. Аленка несколько раз звала укладываться спать, но мы никак не могли оторваться от разговора. Угомонились лишь часа в три, только потому, что я сам уже прогнал Петра спать, ему же с утра на службу.

Хоть и поздно легли, но выспался. Мне постелили на полу прямо в кухне, я сам попросил. Квартира у семьи Курочкиных хоть и была отдельной, но все же маленькой, однокомнатной. Петя еще вчера вечером пояснил, что квартира досталась от матери, которая была до самой смерти каким-то крупным партийным работником. Разбудили меня только в двенадцать часов, сделал это лично Петро.

– Вставай, соня! – Я открыл глаза и посмотрел на друга. Тот сиял от счастья и радости.

– Ты чего такой счастливый, как три рубля нашел? – буркнул я. Ага, я почти всегда бурчу по утрам, такая уж натура, но я абсолютно не злюсь, просто сам факт брюзжания нравится. Да знаю, знаю, что это многих бесит, но это

привычка, еще с юности.

– Я отпросился на сегодня и завтра. До обеда все дела подчистил, что срочными были. У нас впереди два выходных дня. Чего хочешь делать?

Я встал с матраса, что постелили мне ночью супруги, и направился в туалет. Уже пройдя мимо Пети, я буркнул:

– В туалет схожу, можно? – и обернулся к другу. Тот не спускал глаз с моей спины и молча хлопал глазами.

– Я думал, что знаю все твои шрамы. Этих, – он указал на спину и руку, – я не помню.

– А, не бери в голову. Одним больше, одним меньше…

– Сань, это ж не об ветки в тайге… – тихо сказал Петя и тут же добавил: – Рассказывай! – Хоть тон у него и был приказной, я отмахнулся.

– Дай отлить, а? – Не дожидаясь ответа, я прошел в туалет и сделал свои дела. Затем неспешно умылся, придя в чувство.

Аленки дома не было, видимо, гуляет с дочкой. Усевшись вновь на кухне и осадив Петю уже своим приказным тоном, начал рассказ.

– Даже спрашивать тебя не буду, сдашь ты меня или нет, просто если ты это сделаешь, то меня просто посадят, а то и шлепнут.

– Сань, да мне по хрену, ты же знаешь! Служба службой, но ты мне дороже!

– Подслушать не могут?

– Мы же не в коммуналке! – успокаивающим тоном произнес Петя.

– Петь, я лечился, глаза почти не видели, даже после госпиталя в Москве. Там мне док один глаз немного вправил, но вот второй…

– Сань… – с упреком в голосе сказал друг.

– Петь, с сорок третьего я в Америке жил. Только приехал.

– Ни х… себе! – обалдел Петруха.

– Ага, только сильно не кричи. Там нашел хорошего врача, тот меня и залатал. Конечно, стопроцентного зрения нет, даже сейчас, но видеть я стал хорошо, а главное, ушли головные боли, что были сразу после ранения.

– А рука? Спина?

– Ох, длинная это история…

– Мы никуда не спешим!

Я начал рассказ, от которого у друга глаза лезли на лоб, и он постоянно меня перебивал.

– Как это в полицию поступил? Как на войну забрали? Какие острова? Какие японцы? – он завалил меня вопросами, на которые я последовательно отвечал. Чувствовал я себя в конце разговора как после допроса.

– Одуреть можно! Уехать из страны лечиться к буржуям, там на войну вернуться… Ты точно сумасшедший! Хотя я это и в Сталинграде замечал, когда ты один на фрицев ходил. А еще я замечал, что ты очень много знаешь! – Настоящий следак.

– Так, Петро, или ты убираешь «следователя», или я уйду на хрен! – строго оборвал я друга.

– Ладно-ладно, извини. Так как сейчас рука-то?

– Да как и у тебя! – я показал не сгибающиеся полностью два пальца, а затем, согнув руку в локте, указал и на то, как работает рука в целом. У Пети была почти та же проблема.

– Если бы кто другой рассказал, хрен бы я поверил, – заключил Петруха, – не вздумай только кому рассказать, сядешь наверняка!

– Тебе рассказал, – подмигнул я ему, – сяду?

– Дурак ты, старшина! – подвел итог Петя.

– Нет, – покачал я головой, – я офицер специального, противотеррористического отряда. Если на звания переводить, то примерно старлей, как и ты. Я там, в отделе этом, еще и за главного инструктора.

– Так же, снайпером? Глаза-то позволяют?

– Да нормально все.

– Я тогда чуть дольше в части задержался, только через неделю отправили, так слышал, что тебя к награде Нечаев представлял, не знаю, утвердили или нет. Но когда придут новые документы, то, думаю, узнаем. Я сегодня запросы сделал, побегать пришлось, скоро все бумаги будут у тебя на руках. Только нужно сфотографироваться.

– Нужно, значит, нужно, – пожал я плечами. – Чего делать будем?

– Пойдем гулять, я тебе город покажу? – Ага, а может, я тебе его покажу? Точнее, расскажу, что будет здесь лет через сорок-пятьдесят? Смеялся я в душе, конечно, но гулять согласился.

– Идем, конечно, заодно и поговорим… – произнес я так загадочно, что Петруха вперился в меня своим ментовским взглядом с еще большей силой.

– Ты мне что-то хочешь рассказать? Я имею в виду то, что ты мне не стал говорить там, на фронте, а ведь хотел, я по глазам видел!

– Да, не буду скрывать, очень хотел. Петь, ты помнишь мою историю о появлении в составе группы окруженцев?

– Ну… – Петя как-то напрягся.

– Расслабься, не засланным я был, успокойся, – похлопал я друга по плечу. – Тут другая история…

– Пойдем на лавочку, – мы уже вышли из дома и Петя указал мне в сторону набережной.

– Идем, – кивнул я.

Усевшись на лавочку, надо же, а ведь они здесь простоят как минимум лет сорок, только доски менять будут, сами-то лавочки литые, из чугуна, мы продолжили наш разговор. Я не знал, как начать, с чего, поэтому ляпнул то, что показалось на тот момент подходящим.

– Хорошие лавочки.

– Да, красивые. Их еще при царе установили, так и стоят. – Вот, друг сам мне помог.

– Ага, еще лет сорок точно простоят, – улыбнулся я.

– Ну, а почему бы и нет, наверняка простоят, – Петя не «въехал» в мою «игру» и просто поддакивал.

– Вот именно, Петь, что не наверняка, а точно простоят, – меня смешил этот разговор. Два человека, крепко подружившиеся на фронте и не видевшиеся очень давно, сидят и разговаривают о лавочках.

– Да нехай себе стоят, о чем ты вообще? – и тут что-то блеснуло в глазах у друга. – О лавочках это для начала, да?

– Помнишь, как тебя интересовало то, когда кончится война?

– Да я бы по-другому сказал, – скривился друг, – помню, как ты, довольно равнодушно так, сказал мне как-то, ранили тебя тогда в очередной раз, что воевать еще больше двух лет. Я тебя тогда подловил, ты разгорячен был после боя, наверное, не заметил, как сказал…

– Что именно?

– Что война кончится в мае, причем и год угадал.

– Ага, и это тоже.

– Сань, говори, я ж сейчас весь изведусь. Как, откуда ты столько знаешь? Или знал? – А я вдруг решил шутить дальше, испытывая терпение друга.

– Мологжане бывшие не достают? – В Рыбинске перед самой войной город Мологу затопили, устроив Рыбинское водохранилище. Так вот те бывшие жители города даже через пятьдесят лет все ноют и ноют.

– Чего? – явно сбился с мысли Петя.

– Чего, ты глухим, что ли, стал? – смеясь уже не скрывая, спросил в свою очередь я.

– Это ты сейчас о чем? – членораздельно, чуть ли не по слогам произнес Петр.

– Не бери в голову, просто ляпнул. Скажи мне, дружище, как тебе рассказать то, что я хочу?

– Ни фига ты вопросики подкидываешь! А я почем знаю? Говори уж как-нибудь, надоело твои загадки решать! – едва не матерясь, выпалил Петр.

– Просто, если я рубану тебе все вот так, в лоб, ты просто охренеешь и убежишь, да еще и «скорую» мне вызовешь. А я в дурдом не собираюсь.

– Сань, ну не томи, обещаю, дослушаю до конца!

– Петь, ты здесь родился? – заглянул я в глаза друга.

– Да, я ж рассказывал, – машинально кивнул он.

– Я тоже…

– Ты же не помнил ничего о себе, контузия. Что, и голову вылечил… – тут Петя и споткнулся.

– Ага, понял, наконец, куда клоню?

– Ты ничего не рассказывал, постоянно отмахивался от всех…

– А историю с наградами напомнить?

– Ты не хотел, чтобы тебя награждали! – он четко вспомнил то, что я и хотел от него услышать.

– Ты не думал, почему?

– Ну, ты же объяснял, что удача отвернется, сглаза боялся, хоть мне и смешно было такое слышать.

– Петь, я тоже родился в твоем городе… в восьмидесятом году.

– Чего? Тебе же не шестьдесят восемь лет!

– Ага, в тысяча девятьсот восьмидесятом… – и я взял паузу, чтобы вдоволь насмотреться на смешное выражение лица моего сослуживца-однополчанина.

Мы молчали минут двадцать, я уже начал переживать, что Петя ищет предлог, чтобы сбегать за «скорой помощью», когда он наконец оттаял.

– Так, б…, теперь-то все и сходится! – воскликнул наконец Петя. – Ты как ясновидящий, да?

– Ой блин! – выдохнул я. – Я был о тебе лучшего мнения как о следователе.

– Сань, ты чего, всерьез? – Видя, что я и не думаю улыбаться, он вдруг вскочил. – И ты молчал??? Ты столько времени молчал, гад!

– Поэтому и не говорил, что боялся именно такой реакции. Если бы мной заинтересовались «органы», как ты думаешь, я был бы еще жив? Вот только правду говори!

– Ты знал о войне, о победе, о жизни вообще!!! Ты же мог помочь…

– Кому? Петь, ты себя слышишь? – спокойно ответил я.

– Да как это кому? Рассказал бы политруку, Нечаеву, мне, наконец! Уж довели бы куда следует!

– Ты и правда побежал бы сдавать меня, зная, что больше не увидишь?

– Почему не увижу? – не понял тот.

– А ты подумай! Кто выпустил бы обладателя таких знаний на волю? – Теперь Петя молчал полчаса, я по часам заметил. Когда он очухался, глаза его стали другими.

– Саш, – ого, теперь и тон сменился, – сколько ни думаю, все равно склоняюсь к одной мысли… Ты неправ был, да и сейчас неправ. Твои рассказы о будущем, о сражениях, голоде, могли спасти кучу людей!

– А может, погубили бы еще больше?

– Почему?

– Да потому, Петь, что природа, она не терпит нашего вмешательства, все равно поставит все на свои места. Ты вот вроде думал, а начни сначала. Вспомни хотя бы переправу.

– Я-то помню, еще бы забыть! – Тогда я спас его, вытащив во время бомбежки из воды. Этот горе-следак даже плавать не умел. Вот, сидит сейчас, вижу, что в шоке, значит, сообразил.

– Не стало бы меня, а значит, и дочери, и всего того, что вокруг меня…

– А теперь представь, сколько таких, как ты, умерло бы, сколько осталось бы в живых? Ты уверен, что потеряв управление страной в самый разгар войны, наша власть выиграла бы эту самую войну?

– Победил народ! А вообще, Сань, чего-то это совсем для меня много. Мне надо все осмыслить…

– Да нет, теперь уж слушай, братушка! – я был серьезен как никогда, разговор выходил очень тяжелым. – Меня берут в разработку особисты, переправляют дальше по инстанциям, это в лучшем для меня случае, могли бы и просто шлепнуть, сочтя за бред весь мой рассказ. Дальше что? Вытряхивая из меня показания, дошли бы и до смерти вождя, и до сведений о нашей партийной верхушке. Сталин сразу захотел бы убрать тех, кто повинен как в его смерти, так и в будущем развале страны.

– Это еще о чем? – вид у моего друга был еще тем.

– А ведь те люди сейчас активно размножаются и делают свой, неважно какой, но это тоже вклад в развитие и историю страны, – продолжил я, не обращая внимания на Петины вопросы. – Вот тебе самый простой пример, ты так быстрее сообразишь. Даже не буду брать дивизию, не то что страну. Смотри сюда… – Петя внимательно глядел на меня, глаза выражали смешанные чувства.

– Ну, говори!

– Рассказал бы я, например, ротному, или нет, даже взводному…

– Да вот хотя бы Нечаеву мог рассказать!

– Слушай дальше. Я рассказываю ему, что таких взводов, как наш, в Сталинграде за осень и зиму погибнет не одна тысяча, а те дома, которые мы отбивали с такими усилиями и потерями, будут переходить из рук в руки несколько раз.

– И?

– Стал бы он так упорствовать, захватывая их, зная, что погибнет и все это бессмысленно? Стал бы стоять там, где все равно отступили через день?

– Не знаю…

– Да не стал бы, Петь. Обреченность – это такая зараза, что хуже нет. Я ведь вначале, вспомни, вообще был равнодушным ко всему, потому как знал, что будет.

– Теперь мне многое стало ясно. А как же твои геройские вылазки?

– Петь, ну какие геройские? Вот Павлов да, смог сколотить тогда свой взвод и сражаться. А я что?

– Ну как же, и разведка, и захваты домов…

– Так я же ходил туда, где действительно можно было как-то уколоть фрицев. Посильнее уколоть. Плюс я развил тогда такую активность еще по одной причине…

– Сань, ну говори же, я же сейчас лопну от нетерпения! – Петруха аж подскакивал на месте.

– Петь, если бы мы не захватили эти первые дома и командование не «заставило» нас развивать местный успех, нас отправили бы на вокзал…

– Ты уверен? Точнее, так было?

– Именно. Мы просто бы все тогда легли там, возле железнодорожного вокзала: и ты, и я, и Нечаев. Да все.

– Вот же блин! – в сердцах рубанул воздух ладонью Петя. – А если бы тебя не стало, сколько бы пришлось делать другим? Когда бы эту гниду бандеровскую из штаба вывели на чистую воду? А когда на Донбасс шли? Ведь это ты тогда уничтожил запасы топлива и боеприпасы у немецких танкистов, в одиночку уничтожил!

– Вот я и говорю, ты понял наконец?

– Кажется, да. Вот почему ты и лез всюду, желая успеть везде, как бы тебя ни отговаривали. Ты чувствовал вину за то, что знаешь, но не мог говорить?

– Что-то вроде этого. Представь теперь того же Родимцева. Он стал бы так стараться удержаться, если бы наперед знал, что наступления в городе не будет, а его части только отвлекающий маневр, призванный расшатывать силы немцев?

– Ну, упираться-то он бы не перестал, но, думаю, решительности в его голове поубавилось бы. Да и как остаться в трезвом уме, зная, что все напрасно?

– Не так. Это было не напрасно, Петь, выкинь это из головы. Мы были там нужны и сделали свое дело. Но вот человеку в окопе было бы очень хреново, зная, что он разменная монета, вот в чем вопрос.

– Да уж, как представлю себе такое, даже думать не хочется, что бы я сделал, если бы все это знал. Господи, сколько же нас там побили ради отвлечения, ты помнишь?

– Гораздо лучше тебя, – кивнул я, – ведь я об этом знаю из двух источников! – усмехнулся я. – Теперь возьми даже наше командование, это как раз наглядный пример.

– Ты о войне?

– А о чем же? Почему никому, заметь, вообще никому в Сталинграде не сообщали о предстоящем наступлении? Вот ты о чем думал в окопах Сталинграда?

– Точно, ведь бойцы постоянно сравнивали себя с теми, кто отступал от границы.

– Именно. Мы бились, но думали только об одном, как бы устоять, перестать отступать. А вот в Москве думали иначе. Там вовсю готовились, но никто у нас об этом не знал, понимаешь теперь, почему?

– Да, думаю, понимаю, – грустно кивнул друг. – Побежали бы люди, не все, конечно, это исключено, но многие дрогнули бы. Сам помнишь, наверное, и так дезертиров было немало…

– Вот, Петь, ты сам и ответил на свой вопрос. А мои знания и сведения – это бомба. Дрогнет уже не солдат в окопе, а кто-то в правительстве, и что тогда?

– Прости, я тебя обвинял не подумав. Конечно, ты прав, но почему так гложет то, что твои знания никак нельзя использовать?

– Почему нельзя? Как раз наоборот, – серьезно ответил я. – Я помаленьку это и делаю. Для страны, конечно, это капля в море, но как только сюда попал, я старался изо всех сил.

– Ты о собственных действиях на фронте? Это да, со стороны иногда казалось, что за тобой какая-то вина перед нашими бойцами, вот ты и пытаешься убить в одиночку всех фрицев. И ведь скольких ты отправил на тот свет? Только пока со мной воевал, больше ста, да чего там говорить, я ведь знаю, что было больше, человек двести точно.

– Петь, да кто их считал, – проговорил я, – просто когда только очутился, мне было так страшно, что появилась какая-то дикая ненависть. Когда понял, куда попаду, это нам на сборе объявили, то сразу принял решение, что буду стараться изо всех сил. Убьют, значит, убьют, хреновый из меня потомок великих воинов вышел. Получилось выжить и убрать с этого света кучку вражеских солдат? Просто отлично. Но, конечно, умирать не хотелось, чего уж там, врать и скрывать не буду.

– Жить-то всем хотелось, особенно дожить до победы.

– Какая она была, я имею в виду, что вообще происходило?

– О, Сань, это мне не описать, к сожалению. Все как будто с ума посходили. Лично я, когда по радио объявили, три дня пил, даже подраться с кем-то успел.

– На тебя это совсем не похоже, – удивился я. – Там, – я многозначительно кивнул в сторону, – тоже было веселье, но мне было грустно. Грустно от того, что не могу ни с кем поделиться радостью от победы. Меня там знали как другого человека, не мог я раскрыть себя, ведь там тоже с удовольствием хотели бы знать будущее…

– Да, Санек, я вот, наверное, ни за что бы не хотел знать то, что знаешь ты. Не по мне ноша.

– Ладно, дружище, надеюсь, мы выяснили с тобой все, что накопилось, теперь надо отдыхать и наслаждаться жизнью.

– В выходные да, а уж потом извини, у меня ведь служба.

– Так что с того, ты вроде не на фронте служишь, каждый день дома.

– Это да, только вот скоро командировка…

– У тебя еще и командировки бывают?

– Да не было ни разу, – расстроенно ответил Петя, – а неделю назад объявили, что еду вместе с отрядом.

– Что за отряд? – поинтересовался я.

– Извини, приказ о неразглашении, – удивительно виноватым тоном ответил мне друг.

– Ладно, что ж поделаешь. Просто если что-то масштабное, то я мог об этом слышать в будущем, вдруг бы тебе помог, подкинув информацию, – я не пытался раскрутить Петьку на разговор, действительно думал о том, как помочь.

– Я, наверное, полный идиот, но я очень хочу с тобой поделиться, – выпалил Петр. – Ты даже не представляешь, как мне тяжело сейчас. Ведь никому, поверь, вообще никому и никогда бы не рассказал, ты ж меня знаешь!

– О да, если бы ты не держал слово, меня бы здесь не было. Там, в Сталинграде, у тебя были возможности меня «вложить» как минимум раз пять.

– Я даже не стану спрашивать с тебя честное слово, знаю, что никому не расскажешь, – Петя чуть перевел дух, все-таки разговор был длинный и тяжелый, и продолжил: – Ты не представляешь себе, какой сейчас разгул преступности.

– Отчего же, отлично представляю, более того, я это знаю наверняка, – усмехнулся я.

– А, ну да, ну да. Так вот. Нас отправляют в командировку на усиление местных органов милиции – в Литовскую республику…

– О-о-о. Петь, скажу честно, тебе надо быть очень осторожным. Если вам на службе дают статистику, тогда должен знать, что большая часть преступлений в Союзе совершается на Западной Украине и в Прибалтике, ведь так?

– Точно. На Украине вообще войска задействовали, в Литве тоже, но гораздо меньше, вот те и обнаглели. Убийств столько, словно все еще война идет. В сводках по республике ежедневно более десятка трупов, это только тех, что находят, а есть еще и леса, там вообще задница.

– Понятно все, только, извини, Петь, но я не вижу там тебя. Ты ж не боевик уже, хотя и был прекрасным бойцом.

– Да, я выучился на следователя, заинтересовался еще на фронте, просто там некогда особо думать было. Уже здесь бросил на хрен всю свою бухгалтерию и пошел в органы.

– Ну, может, и правильно сделал, тебе виднее.

– Вот именно. Слушай, – вдруг осенило Петю, – а давай я тебя к нам устрою, а? – он аж запрыгал от посетившей его мысли.

– Ты очумел, что ли? Где я, и где милиция? – оторопел я.

– Не понял? Ты же в Америке в полиции служил!

– Я служил в антитерроре, это большая разница. Да и нет там такого разгула бандитов. У них не было войны, такой как у нас, отребья хватает, конечно, там ведь есть мафия, а это серьезная организация, поэтому работа полиции намного легче, чем сейчас в Союзе.

– Ты сам-то конкретно чем занимался?

– Да тем же, чем и на фронте, Петь, игнорировал приказы и отстреливал на хрен всю эту братию. Меня и послали сюда, чтобы немного улеглось то, что я там заварил.

– В смысле?

– Да я там на власть имущих вышел, что были в тесной спайке с мафией, ну и порезвился слегка…

– Знаю я это слегка, человек сто, наверное, убрал!

– Да нет, какие сто. Максимум за все годы там человек сорок. Но это были действительно преступники, а в Штатах законы идиотские, плюс адвокаты такие ушлые, что умудряются убийц вытаскивать из тюрьмы. Поверь, знаю что говорю, нескольких таких уработал. Как адвокатов, так и бандитов.

– Так вот и будешь отстреливать, уж это-то делаешь как надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mishin_viktor/vozvraschenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить